

ЯНА УСОВА

НАВИГАТОРЫ
АДМИРАЛ
ИМПЕРСКОГО
ФЛОТА

Яна Усова

Навигаторы. Адмирал имперского флота

<https://litres.ru/71521990>

SelfPub; 2025

Аннотация

<r>Дин ньё` Товен: "Ненавижу пиратов и контрабандистов. Один из них оставил отца калекой и даже элфины не смогли поднять его на ноги. Уже несколько месяцев ведется наблюдение за несколькими контрабандистами, все они так или иначе связаны с ненавистным Серванесом. Одна из них хамоватая блондинка, и именно с ней мне поручено вступить в подготовленный нашей разведкой контакт".</r><r>Кимири Уортс: "Еще один заказ, и я смогу оплатить полный курс археологии в Гиранском университете самом захудалом учебном заведении во Вселенной. Заказ не то чтобы очень хороший, но мне нужны эти кредиты. Я больше не хочу так рисковать! Только бы проскочить мимо патрулей ненавистного Потрошителя".</r><r>Трин ньё` Риолин Ринд: "Как же мне все это надоело"</r>

Яна Усова

Навигаторы. Адмирал имперского флота

Пролог

Пощёчина обожгла лицо. Голова дёрнулась. Во рту почувствовалась кровь.

– Говори! Говори, где в секторе семнадцать ваша база? – орал тот, кто допрашивал меня уже три часа.

– Меня зовут Кимири Уортс, – раз за разом упрямо отвечала я.

– Адмирал, – обратился усатый виг к стоявшему всё это время у иллюминатора Дину, – веритат на неё не действует, может, её того? Обычным способом?..

Дин молчал, а усатая тварь занесла кулак над моим лицом.

Я засмеялась: хотелось раздражить его сильнее, и, быть может, мне бы повезло и он вырубил меня на какое-то время.

– Ты только связанных девчонок умеешь избивать, урод?

Я почувствовала, как бешенство овладело этим вигом. Мой камень считал его эмоции. Чистая ярость – и больше ничего. Его кулак остановился в миллиметре от моего носа – его перехватил адмирал. Не глядя на меня, он сообщил:

– На палубу наемников её. Мы давно не заходили в космопорт, парням необходимо снять напряжение. Проследите,

чтобы осталась жива, может, после этого станет сговорчивей.

Что?! Он... он это серьёзно?! И никаких эмоций. Голос бездушный. Нет! Не могу поверить – любимый мужчина, который боготворил меня (мой камень это считывал все последние месяцы), теперь отдаёт меня на растерзание своей солдатне?! А была ли тогда любовь?

Только сейчас ответ стал очевиден. Нет. Он работал под прикрытием. Нужно было обаять меня, обольстить, втереться в доверие. Очень горько было осознать, что у него получилось. Он узнавал и вынюхивал мои секреты, места расположения моих знакомых и друзей, что зарабатывают они не так, как он, – многие из них были перевозчиками, но иногда помогали настоящим контрабандистам.

Меня сдёрнули со стула и повели к лифтам. В душе всё умерло. Внезапно я успокоилась.

Сегодня я умру, и сегодня я своими руками убью свою любовь, сегодня погибнет легендарный Потрошитель, сегодня исчезнет флагман имперского флота. Любимый, у меня есть прощальный сюрприз.

Двери лифта открылись, меня толкнули в спину, и я практически упала в объятия какого-то мужчины. Он подхватил меня, а затем улыбнулся, глядя на мои связанные руки.

– О, адмирал решил позаботиться о нас.

Этот зверолоуд стал мусолить мне шею.

У меня для тебя сюрприз, дорогой, я умею драться и со связанными руками.

Я пнула его в промежность. А когда он взвыл, схватила пальцами за ноздри и резко дёрнула руки вверх. Послышался треск, и зверолоуд заорал. Из отсеков начали выбегать мужчины разных рас.

Дранкз волумский, сколько же вас тут?!

Послышался смех.

– Так тебе и надо, кучерявый, малышка любит сильных.

Солдатня окружила меня. Я отступала, то и дело пытаюсь достать ногами самых ретивых. Внезапно упёрлась спиной во что-то мягкое и большое.

– Попалась, – послышался над ухом чуть шипящий голос, – мои руки дёрнули вверх, рубашка затрещала на спине.

Нет! Нет! Я не переживу этого. Меня снова пытаются изнасиловать! Ненавижу!

Сердце бешено застучало, а перед глазами всё резко стало синим. Мужчины на секунду опешили и отступили, но тот, кто стоял позади и удерживал меня, прошёлся лапой по голой груди. Моя рубашка ошмётками свалилась к ногам.

Увидев мой пирсинг, эти мужчины превратились в зверей. Я всегда знала, что небольшие фаридиевые колечки в моей упругой груди возбуждают мужчин, видела, как они возбуждали ЕГО... Но никогда не думала, что сейчас пирсинг сослужит мне такую службу.

Пора!

Я прикрыла глаза, и синева вокруг чуть померкла. Когда открыла, увидела, что по коридору к нам приближается та-

кая знакомая воронка. Только обычно я открывала её в космосе и никогда – на планете или тем более на корабле или станции. Послышались крики. Кажется, кого-то потянуло в воронку, но он успел ухватиться за ручку двери отсека.

Ну же... давай, ты первый выйдешь в чёрную, манящую, безжалостную пустоту без скафандра.

Внезапно воронка закрылась. Я нахмурилась и открыла ещё одну. Она почти мгновенно схлопнулась.

Ну ладно, я могу ещё пять.

Но и они закрылись!

Позади послышался шум – я оглянулась. А... сам адмирал пожаловал. Он побледнел.

Погибнем вместе, любимый.

Я открыла вокруг нас двадцать пять воронок, но они снова схлопнулись. У адмирала шла носом кровь, он на огромной скорости мчался ко мне, срывая свой китель. Остановился передо мной, накинул китель мне на плечи.

Так тоже неплохо, умрём, глядя друг другу в глаза.

Я сунула руку в карман, намотала верёвку с камнем на пальцы и попыталась снова открыть воронки, кажется, шестьдесят три. Но вдруг почувствовала укол в шею. Перед тем как я потеряла сознание, мой камень сообщил, что Потрошитель растерян.

– Да кто же ты такая, Кими?

Глава 1

Кимири (Кими) Уортс

Бум-бум-бум, тутудум-тутудум-тудум, цтыкыдым-цтыкыдым-цтыкыдым. Ритмичный грохот музыки практически заглушал возгласы танцующих, перебравших алкоголя, спорящих с охраной гостей и вопли землянина, подзадоривающего местную публику. Никогда не слышала о таком мире, но этот гуманоид всем говорил, что его похитили с планеты, именуемой очень странно – Земля. Землянин лихо управлялся с пультом диджея и очень умело менял музыку. Что-то, а музыку он подбирал классную.

В заведении «Мерзкая шлюха Шилье» было, как всегда, шумно. Всегда поражало название этого кабака. Оно просто отвратительное. Шильенские шлюхи, между прочим, очень привлекательные, нежные, уравновешенные, дорогие женщины, имеющие точки соприкосновения с мужчинами многих рас. Кусаку Имнира, владельца кабака, часто спрашивали, почему он назвал так своё заведение, и тот обычно отвечал:

– Все шлюхи мерзкие, почему бы шлюхам с Шилье не быть такими?

Ну да, так и поверила. Думаю, Имниру приглянулась одна из куртизанок с Шилье, на которую у него через какое-то время перестало хватать кредитов, и дамочка, скорее всего, заявила: «Нет кредитов – нет любви».

В «Мерзкой шлюхе Шилье» всегда собиралось много разного отребья, как и разномастных пилотов в поиске заработка и приключений на свой зад (лично мной замечено: чем больше кредитов предлагает заказчик, тем выше уровень риска). А ещё контрабандистов, к которым можно смело приписать и нас с Мо (есть хочется, знаете ли; «Кометочку» обслуживать нужно, что-то откладывать на мечты; ну и родителям подкидывать).

Здесь, в заведении Кусаки Имнира, по слухам, бывают и капитаны пиратов. Этих ублюдков ненавидят все. За их головы в разных галактиках, в зависимости от курсов валют, дают от пятисот тысяч до нескольких миллиардов кредитов. Если эти твари и появляются тут, то анонимно. Или применя стоящие дофигаллионы кредитов квантовые маски. Говорят, изобретение этих масок ещё пару десятков лет назад считалось невозможным. Кстати, грань между пиратством и контрабандой очень тонкая, почти прозрачная.

Ещё в «Мерзкую шлюху Шилье» заходят страховщики, ищейки, детективы, дознаватели и заказчики разного рода услуг. Кто-то из них ищет пропавших друзей, родных, родных и друзей заказчиков; кто-то – следы не дошедшего до заказчика груза; кто-то хочет лично посмотреть на пилота и его транспорт, чтобы убедиться, что заказ будет выполнен. А кто-то разыскивает пути к базам контрабандистов.

Наше негласное братство сурово. Раскроют наши базы – и мы погибнем. Но при этом мы заинтересованы в том, чтобы

находить пропавших без вести соратников. Лучше убедить-
ся, что один из нас стал трупом, а не тем, кто сдал своих ви-
гам, получил за донос кредиты и теперь попивает элейское
вино на пляжах Арина. Так что нашим проверкам подверга-
ются все, кто попадает в поле зрения своеобразной службы
безопасности Серванеса. Хочется жить. И жить комфортно.
Вот только в последние пару лет активизировался Потроши-
тель – новоявленный навигаторский имперский выкормыш,
который провёл успешные для этого дранкзова вида опера-
ции. И мы, честные (ну, почти) транспортировщики (ино-
гда контрабандисты), вздрогнули. Потрошитель, хоть и кос-
венно, заставил нас начать детально разбираться в заклю-
чаемых контрактах, вчитываться в каждое слово, каждую
запятую, воспринимать любую орфографическую ошибку
как повод для заказчика уйти от ответственности, подста-
вить нас. Неточности в контрактах стоили нашим ребятам
не только их имущества – кораблей и застрахованных гру-
зов, но и в некоторых случаях жизней (знаменитые в наших
кругах подставы Потрошителя). А ещё он заставил нас пе-
рестать доверять. Любой мог оказаться врагом. Уж больно
большое искушение для некоторых – получить миллион кре-
дитов за достоверные сведения о членах контрабандистского
братства и десять миллионов кредитов за достоверные све-
дения о нахождении схронов или баз.

Как-то отец прислал головидео сражения в неизвестной
системе. И после его просмотра я решила, что обойдусь без

внимания этого навигаторского отморозка.

Сам бой длился почти три часа. Сначала пиратский флот вступил в сражение, но крейсер вигов очень быстро расправился с флагманом пиратов, при этом сам не пострадал! Сложилось впечатление, что он укрыт неизвестным полем. Со всем уж фантастическим: в крейсер попадали – и очень часто, – но энергетические сгустки, несшие с собой смерть, как будто стекали с него. Звенья перехватчиков вигов яростно вгрызались в пиратский флот. То тут, то там возникали вспышки. Гибли пираты, гибли перехватчики.

Через какое-то время пиратский флот дрогнул и начал отступать, многие корабли пострадали. Но виги продолжили планомерно уничтожать врага. Кто-то попытался сдать-ся, подав известный во всей Вселенной световой сигнал – «Я сдаюсь». Несмотря на это корабль, подавший сигнал, был уничтожен.

Однажды Потрошителю стало известно местоположение небольшой станции контрабандистов. От неё ничего не осталось. От нескольких семей, проживавших там, – тоже. Их никто и никогда больше не видел.

Я следила за новеньким парнем в комбинезоне пилота. Если он тут ошивается уже битых полтора часа, значит, кое-какие проверки уже прошёл. Пилоты любили комбинезоны.

Наверное, в них удобно. Особенно парням. Хочешь справиться нужду – растянул полностью, достал шланг – и готово. Нам же, девочкам, надо этот комбинезон почти пол-

ностью стаскивать для тех же самых целей. Так что нет, никаких комбинезонов в моей жизни, тем более сегодня.

Вечер мог начаться прекрасно, а вот закончиться – как угодно. Не раз я спасалась бегством или держала оборону, ожидая, пока Мо пригонит мою «Кометочку» в точку, удобную для телепортации. Иногда прямо в транспортнике приходилось укладываться в амниотическую капсулу, и Мо давал искину команду притвориться заброшенным кораблём. Мо не мог далеко увести «Комету», только я могла совершить прыжок – так я называла то, что даровала мне природа. Я умела, только пожелав, построить воронку – так мы с Мо это называли – и оказаться на другом конце Вселенной.

Выкусите, навигаторы, не одни вы можете строить свои быстрые переходы!

Парень, за которым я следила, иногда подходил к вроде бы случайной группе выпивающих или просто разговаривающих между собой и что-то спрашивал. Многие на него подозрительно косились и качали головами. Парень как парень. Гуманоид – как я, или как зверолод, или как элфин, только не ушастый. Волосы тёмно-синие, такие же брови. Чуть длинноватый нос и оранжевые глаза. На мой взгляд, ему стоило бы провести коррекцию внешнего вида. Уж слишком он привлекал внимание – больно запоминающийся.

– Привет, Кими. – Ко мне за столик плюхнулся Фирт, сиарксиец. Он мотнул в сторону парня обеими головами. – Очередной дознаватель?

Идиотский вопрос.

– Понятия не имею. Может, новый заказчик?

Да, кредиты нам с Мо не помешали бы. Кончатся картриджи в капсуле. А ещё пройти бы техническое обслуживание катера: скорость отклика рулей упала, а это смертельно опасно.

Хорошо было бы отправить кредитов и приёмным родителям: именно они воспитывали меня после того, как погибли мои родные мама и папа почти одиннадцать лет назад.

В последнее время с заказами не везло. То груз неожиданно «портился», то кто-то перебивал цену, то вообще заказчик передумывал сотрудничать, ссылаясь на мой небольшой опыт в перевозках грузов.

Синеволосый оказался простачком.

Он совсем идиот – так бесстрашно подходит к выпивающим минирианцам? Сумасшедший! Он что, совсем не знает, куда сунулся? Даже если он не шпион, не дознаватель, не провокатор, его всё равно попытаются ограбить и убить.

Парень уже не раз скользнул по мне взглядом. С расстояния я его эмоций различить не могла. Слишком много разных существ находилось вокруг. В таких случаях мой камень, вдетый в ухо среди бесчисленного пирсинга, сбоил.

Я заметила, как синеволосый достал несколько кредитов из кармана и положил на стол перед барменом. Опустила взгляд вниз и замерла.

Да его карман просто набит кредитами!

Дождавшись, когда синеволосый снова посмотрит на меня, я призывно улыбнулась. О да... я знаю, как действую на многих мужчин. Невысокая хрупкая блондинка с фиолетовыми глазами, чуть вздёрнутым носиком и пухлыми губками. Сегодня на мне был топ, без бюстгальтера. Конечно, я сделала это нарочно: ни один мужик не мог не обойти взглядом пирсинг на сосках, который явно проступал через топ. Вот и этот просто поселился взглядом на моей груди.

Местные парни давно перестали связываться со мной и зачастую называли меня ядовитым цветочком. Первый, кто попытался залезть в мои трусы без моего согласия, стал удовольствием.

Я прилетала сюда для поиска заказов, именно тут находила своих самых удобных и самых состоятельных заказчиков. И я никогда не спала с ними. Какие бы деньги за это ни предлагали.

– Фирт, – обратилась я к сиарксийцу, – сходи погуляй, а?

Он, глянув на мою добычу, рассмеялся и выскользнул из-за столика.

Синеволосый растрёпанный парень с кучей наличных двинулся в мою сторону. Вот тут я и поймала его эмоции. Стало немного стыдно за то, что я собиралась сделать, но, раз этот малыш нашёл этот кабак, он явно не был милым и пушистым. К тому же он прошёл первичную проверку безопасников Гуаварино – главы серванских контрабандистов. От парня веяло восторгом и, что ожидаемо, желанием. Он

присел за мой столик, улыбнулся и представился:

– Дин Ири. Ищу того, кто сможет провезти груз через пограничников виниакийцев, вигов и елимцев.

Я мгновенно проложила в голове маршрут и ехидно спросила:

– В Бутылочный Войд, что ли, собрался?

Парень снова улыбнулся, от него пришла волна предвкушения. Да я и сама сейчас могла бы распространять такие волны.

Извини, лапуль. Позаимствую твои кредиты и даже убивать не стану. Надеюсь, ты оценишь щедрость моей души и больше с такими милыми на вид девочками, как я, связываться не станешь.

– Вижу перед собой профессионала. Ну так как, возмёшься?

– Я знаю этот маршрут, – согласилась я, – и особенно-сти пограничных заслонов тоже. Не проще ли заплатить за ввоз... чего ты там пытаешься ввезти в Войд?

Он еле слышно произнёс:

– Землиранская билага.

– Это же запрещённый там груз! – выдохнула я. Теперь я засомневалась: а точно ли этот малый прошёл проверку и не шпион ли он или провокатор?

Землиранская билага – это такой цветочек. С нежным, тонким ароматом, довольно красивый. Вот только на одной из планет Бутылочного Войда этот цветок в условиях мест-

ной атмосферы начинает развиваться не так, как обычно. Он очень быстро размножается, забивая собой всю флору планеты, погибают в том числе и культуры, которые местные выращивают как пищу. В последний раз, когда билага попала в этот мир, она успела уничтожить треть урожая целой планеты! Заражённые области опрыскивали с воздуха мощными концентрациями гербицидов, и эти земли на много лет стали непригодными для земледелия.

– Нужно обсудить детали. – Я нарочито оглянулась.

Теперь я просто обязана отжать его кредиты. Если ему будет нечем заплатить аванс за контрабанду этой гадости, быть может, он хорошо подумает, стоит ли идти на такой огромный риск.

– Тут даже из стопок, – я посмотрела на рейцу, к которой не притронулась, – растут уши. Ты же не хочешь, Дин Ири, – хмыкнула я, – чтобы твоя миссия провалилась?

Парень кивнул.

– Где?

– На моём корабле. Не боишься оказаться на моём корабле?

Он усмехнулся:

– Я умею за себя постоять... – Поднял синюю бровь.

Он что, правда думает, что я представлюсь ему? Наивный.

Я встала из-за стола и пошла к выходу, покачивая бёдрами. Уверена, этот Дин рассмотрел мою упругую попу в об-

тягивающих штанах из тонкой, но очень прочной цирвейской кожи. На ногах у меня, как всегда, были сапоги на высоком толстом каблуке. Мне следовало казаться беззащитной. Я редко носила с собой оружие. Почти не носила. В таких вылазках, как сегодня, смазывала кожу нейропаралитиком, который действует на большинство рас.

За два тюбика этого средства я заплатила, как за подержанный катер, но оно того стоило. Сначала я наносила нейтрализующий действие яда крем, затем сам нейропаралитик. Он действует на поражённого всего пятнадцать-двадцать минут. Зачастую мне этого хватало, чтобы успеть унести ноги. Но не позднее, чем через три часа, состав требовалось смыть, иначе паралитик начал бы воздействовать на меня. Неприятная штука. И опробовала я его действие в самый неподходящий момент: когда отбивалась от тех, кто решил поживиться за мой счёт – от банальных грабителей. В какой-то момент во время драки у меня повисла рука, затем вторая. А потом отказали ноги – и я кулем свалилась наземь, на радость грабившим мужчинам и женщине. Меня обобрали до нитки в самом прямом смысле слова – даже трусы сняли. Хорошо, что коммуникатор не смогли отцепить – у грабителей было немного времени, а снять заблокированный комм не так уж и просто. Как только действие паралитика прошло, я, матерясь, вызвала Мо. Больше всего было жаль сапоги. Я всегда шила их на заказ, со встроенными в заднюю часть каблуков кинжалами; в голенищах умещались метательные

ножи; внутри полых каблучков хранилось множество полезных вещей – отмычки, инструменты для вскрытия электронных замков, два куса пищевой плитки, антибиотик, носовые фильтры, одна крупная кредитная купюра.

Мы вышли на улицу и свернули за угол. Было прохладно. Соски затвердели, ткань на топе натянулась. Я чуть опёрлась на стену. Облизнула губы и улыбнулась. Мой призыв поняли правильно. Дин подошёл ближе, обнял меня за талию и поцеловал. Я приоткрыла губы, приглашая его. Целовался этот Дин великолепно. Он чуть приподнял ткань топа и погладил обнажённую талию руками.

Ммм, как же хорошо!

От парня исходили волны нежности и желания. На секунду я даже подумала пренебречь принципом – не спать с заказчиком, – но это было секундное помешательство, вызванное умелыми ласками и поцелуями. Я зарылась в короткие волосы руками. Тёплые губы оторвались от моих и прошлись по шее, опустились до груди и через топ слегка сжали сосок.

Что происходит?..

Никогда даже не думала, чтобы вот так отдаться незнакомому мужчине. Внезапно захотелось большего – узнать его. Захотелось, чтобы мы вместе просыпались, чтобы вместе строили будущее. Вдруг Дин стал оседать на тротуар. Началось действие паралитика. Странная эйфория прошла. Но мне стало жаль этого парня. Я быстро обыскала его карманы. Забрав все кредиты, наткнулась на какую-то пластико-

вую штуковину.

Электронный ключ? Накопитель информации? Заберу себе. Потом разберусь. А если нет – знаю, кому можно отдать.

Вызвала флаэр, с трудом погрузила в него незадачливого искателя приключений в опасном Бутылочном Войде и оплатила его путешествие до космопорта.

– Поверь, так будет лучше, останешься целым, – напутствовала я Дина, смотря в его очень злые глаза. Сейчас от него исходили волны бешенства и злости. Говорить он не мог.

Сама я телепортировалась на «Комету». Села в пилотское кресло и отправилась в тень третьего спутника, чтобы, укрывшись от любопытных взглядов, построить воронку и нырнуть туда. Она вывела меня к крупной станции, где я снимала небольшую квартирку на семнадцатом уровне.

– Ты нашла клиента, Кими? – спросил Мо, моя нянька, мой служащий, мой единственный друг. Железный друг. Мо – робот. Не знаю, кто сделал эти настройки, но Мо умел шутить, давать советы, сочувствовать.

– Не то чтобы... Но кредиты на ремонт нашей «Кометы», – я ласково погладила панель управления транспортника, – у нас теперь есть.

– Украла, стало быть, – уточнил Мо.

– У меня нет совести, дорогой, – последнее слово я произнесла ехидно. – Забыл? Я променяла её на ячейки для твоей

памяти.

– Но сейчас ячейки не нужны, можно честно отработать заказ.

– Очень рискованный заказ, Мо, – серьёзно возразила я.
– Да, дорогой, но очень рискованный.

Для таких транспортных, как мой, на этой станции не предусмотрели причальный док, так что за мной прилетел вызванный бот-челнок. Я вошла в шлюз, дошла до лифта и поднялась к себе, чтобы смыть с себя остатки нейропаралитика.

Я стояла под душем, за расход воды на который довольно много платила на этой станции, и вспоминала поцелуи и эмоции того парня – Дина. Меня так и тянуло в космопорт на Авирее, где я оставила его. Чувство неправильности охватило меня. Я помотала головой – влажные волосы неприятно прилипли к телу.

– Мне никто, кроме родителей и Мо, не нужен.

Но из глаз почему-то полились слёзы. Я подставила лицо под тёплые упругие струи, в голову лезли дурацкие мысли. Мысли о прошлом.

Мне четырнадцать. Я сижу в каком-то крошечном отсеке, в темноте. Не помню, как оказалась здесь, не помню маму и папу, мне очень страшно. Вдруг свет вспыхивает, входит женщина. Я не знаю, кто она. Она присаживается передо мной на корточки и говорит:

– Кимири, я – госпожа Анэйшэ. Должна сообщить тебе грустную новость – твои родители погибли. Но у твоей мамы есть сестра, и она согласилась тебя удочерить, сейчас я везу тебя к ней.

Я всхлипнула и кивнула, а затем жалобно спросила:

– Почему я не помню папу и маму? Я не могу вспомнить их лиц и как их звали! Почему я ничего не помню?

– Это реакция организма на сильный стресс. – Анэйшэ погладила меня по голове и попыталась приободрить: – Пройдёт время, организм восстановится, и ты обязательно вспомнишь своих родителей.

Анэйшэ участливо улыбнулась.

Мои новые родители проживали на небольшом планетоиде, укрытом от мира в коконе астероидного поля. Только иногда в поле открывался проход, так называемый коридор, и только тогда можно было стартовать с планетоида или сесть на него. Не могу сказать, что моё отрочество прошло уныло или безрадостно. Приёмные родители если и не любили меня, то заботились обо мне. Как таковой, школы на Серванесе не было. Родители настояли, чтобы я обучалась по учебным программам дома, но сдавать экзамены мне приходилось очно. Мне легко давались точные науки. Нет, я не блистала в них, просто они вообще не казались проблемой, мне не приходилось долго и занудно заучивать формулы или доказывать теоремы. Я просто прослушивала урок, и его мне хвата-

ло, чтобы потом без проблем выполнить закрепляющие задания. А вот выбором остальных предметов для «полноценного» (по словам мамы) образования родители удивили. Мне пришлось изучать законодательные основы миров – между прочим, углублённый курс! – и историю развитых миров (да их же сотни тысяч!); литературу миров Вселенной (а-а-а!!!). Мне казалось, моя голова распухнет от такого объёма знаний и станет похожей на голову итруве. На Серванесе обитают такие инопланетчики, у них мозг – что-то вроде мышцы. Чем больше тренируешь, тем больше он становится, тем сильнее увеличивается голова. У этого вида в генетику природой заложена мягкость и подвижность костей черепа.

Долго я сопротивлялась и изучению способов выживания. – Что я такого вам сделала? – рыдала я. – Почему вы на пять месяцев отправляете меня на какие-то мучения?

Слёзы были настоящие. В тот момент мне, шестнадцатилетней девушке, очень нравился мальчик-орси. Высокий, худощавый, с потрясающе красивыми чёрными волосами, бездонными чёрными глазами, гладкой бледной голубоватой кожей. Мой первый поцелуй (а потом и следующие штук двести) случились именно с этим парнем, и я совершенно не желала расставаться с ним!

Только гораздо позже, когда эта ранняя влюблённость давно прошла, я поняла, зачем мама и папа устроили мне курс по выживанию. Они оберегали меня, ведь у меня практически не было шансов родить ребёнка от орси (у них очень

специфическое оплодотворение), а это значило, что в семье потенциального жениха меня никогда не примут.

Инструктора по выживанию я и ещё двадцать девчонок разных рас, родители которых решили, что им, как и мне, нужен этот курс, ненавидели всей душой. Эта похожая на швабру, тощая, некрасивая, волосатая, горластая женщина-нава с Дапренава – планеты-пустыни – муштровала нас нещадно. Она была полугуманоид, полупресмыкающееся. Руки, ноги, голова – как у гуманоидов, а вот тело ниже бёдер – скользкий длинный чешуйчатый хвост.

Пять! – пять дранкзовых месяцев я толком не мылась, не расчёсывалась, нормально не ела, одевалась в обноски. После прилёта домой большую часть волос мне пришлось остричь, потому что они превратились в войлок. Но после этого курса я спокойно могла присесть под чахлый кустик, не скрывающий совершенно ничего, вместе с десятком таких же девчонок – жертв несварения из-за неправильно приготовленной гигантской гусеницы. По прилёту на Серванес я стала весить на четверть ниже нормы. Вернулась чёрной (на солнце обгорела не один десяток раз) и умеющей добывать огонь из продуктов жизнедеятельности земноводных, которых научилась ловить, потрошить и готовить. Именно там, на этих курсах выживания, я научилась метать холодное оружие из любого положения, в любую движущуюся цель с дистанции восемь метров. Именно на этой практике я научилась пить любую воду.

– Всех ваших сожителей, – наш преподаватель по выживанию ослепительно улыбнулась своими кривыми жёлто-коричневыми зубами, – вылечат в амниотической капсуле.

В общем-то, так всё и было. Пару десятков разных видов глистов из меня извлекли в течение недели лечения в амниотической капсуле. После этого я стала похожа на пособие по изучению типовых гуманоидных скелетов. Мама рыдала, когда я вернулась из медицинского центра по окончании практики.

Больше всего я обожала уроки пилотирования. Они были обязательными у всех проживающих на нашем планетоиде. У нас даже была лётная школа. И как я поняла позже, школа преподавала на хорошем уровне. В первом полугодии мы детально, до мельчайших подробностей, до самого мелкого шурупа, до самой крошечной управляющей платы разбирали устройство наших летательных аппаратов.

Огромный, пугающий своим внешним видом сах проплыл между рядами, когда мы собирали или разбирали какой-нибудь узел корабля класса «корвет». Наш лётный препод тяготел к этим кораблям. Все примеры он разбирал на кораблях этого класса. Впрочем, это было неплохо. Многие суда Серванеса переделывали из военных корветов разных рас. Их предпочитали из-за характеристик: небольшие, всего сто-двести метров в длину, очень манёвренные, относительно дешёвые и относительно несложные в эксплуатации.

На практических уроках сах рассказывал, тыкая конечно-

стью в то, что кто-то собрал неправильно, к каким последствиям это приведёт:

– Если ты закрепíš этот датчик так, как планируешь, Уортс, то ремни пилотского кресла разрежут тебя пополам.

Упс! Я сглотнула и пошла изучать методичку заново. Минус один балл за подглядывание.

Тренажёрные кабины оказались с полным погружением. Первое время, когда мы отрабатывали на них аварийные посадки, я и все мои одноклассники выходили с воняющими мокрыми штанами. А как же иначе, если в кабине, когда ты падаешь на планету, визжит сигнализация, пламя лижет твои руки (пламя ненастоящее, а вот ожоги – очень даже), тебя трясёт, а в наушнике орёт инструктор?.. Секунда – и поверхность приближается с огромной скоростью. А-а-а! Бах!

Постепенно аварийные посадки мы разобрали, и все сдали зачёт.

Сах считал, что зачёт по аварийным посадкам ниже, чем на «пять», сдавать нельзя. Я девять раз приходила на пересдачу. Это ничего, рекорд по пересдачам побил мясистый цветниец – двадцать восемь раз. Но даже он сдал экзамен.

А потом мы просто пилотировали на тренажёрах, отрабатывая штатные взлёты, посадки. Летали даже с построением «клин», «колонна», «пеленг». А вот действительно вылететь в космос не представлялось возможным. Почти.

Наша система закрыта астероидным коконом, впрочем, плюсы тоже есть – у нас чужаков не любят. Чужак – это чаще

всего неприятности, и неприятности большие.

На восемнадцатилетие родители подарили мне «Комету»! Не новый, но очень манёвренный транспортник с небольшим трюмом, тремя жилыми отсеками, крошечной кают-компанией и удобной пилотской кабиной. Мы с отцом облазили все его закоулки, протестировали все системы. Кое-чем папа остался недоволен, и через месяц, когда окно в метеоритном коконе открылось, нам доставили груз – новый синтезатор пищи, новые платы для рулевого управления и гидравлическую жидкость.

Как только «Комету» привели в достойное состояние, я ринулась искать заказы. Уже давно поняла, чем живут мои родители, чем живёт большинство семей на планетоиде, но для себя такого риска не желала. Планировала просто перевозить грузы на небольшие расстояния. С жестокой реальностью столкнулась практически сразу: никто не желал отдавать прибыльный контракт на перевозку груза между соседними системами неизвестному новичку, только-только получившему аккредитацию пилота. Один скромный заказ я получила через два месяца ежедневного мониторинга разных предложений. Когда посчитала, что останется лично мне после транспортировки груза, то приуныла. Пять тысяч кредитов. Всего пять! Их не хватило бы, чтобы снять жильё, а ведь ещё нужно было обслуживать «Кометочку» и покупать расходники, например картриджи для установок выработки воздуха, воды, кормосмесь для синтезатора пищи.

Ничего не поделаешь – пришлось наработать авторитет. В тот раз всё прошло хорошо. Меня не попытались обмануть ни заказчик, ни тот, кому я доставляла груз. Возможно, потому что я заплатила все необходимые пошлины, уложились в сроки, да и стоимость груза была невелика. Я быстро прикинула, сколько получила бы, обойдя таможи и не страхуя груз. Захотелось выругаться. Двадцать тысяч кредитов!

Так и перебивалась случайными заработками, пока... Пока у меня прямо в космосе не сдохли отводящие тепло реактора элементы. Хорошо, что сработала защита, иначе я бы стала хорошо прожаренной контрабандисткой. Сигнал о неполадке горел уже четвёртый месяц, а мне все ещё не хватало нужной суммы, чтобы арендовать жильё и не ютиться в крошечном жилом отсеке «Кометы», чтобы купить ремонтные детали. И вот теперь я не могла запустить двигатель. Я находилась в стороне от обычных маршрутов, поэтому следовало просить о помощи. Было очень страшно. На сигнал мог отозваться кто угодно, в том числе любители лёгкой наживы. К моему ужасу, так всё и произошло. Когда включила монитор, на меня смотрел мужчина – грубые черты лица, прямой нос, щетина на подбородке, чёрные глаза.

– Капитан Кравир, – представился он. – Транспортник 17Ор-ДиЛ-0014-с. Кому нужна помощь?

– Капитан Уортс, транспортник При-145-ХЗ-в-11, транспортирую мелкие грузы. Вышли из строя отводчики тепла.

Мужчина ухмыльнулся, увидев меня, а у меня по спине

поползли мурашки. Дранкз волумский, я пятой точкой почувствовала неприятности.

– Добро пожаловать на борт нашего транспортника, капитан Уортс, – произнёс он.

Я кивнула и шагнула в сторону шлюза, прихватив с собой бластер. Было очень наивно полагать, что бластер сможет помочь отбить нападение. Я просто не успела им воспользоваться. Меня скрутили, зажали рот, вырвали из рук оружие и куда-то понесли. Попыталась закричать и укусить руку, зажавшую мне рот, но вокруг слышались лишь сопение, довольное урчание, смешки. Волны эмоций нападавших заставляли ужасаться. Похоть. Только удовлетворение похоти.

Капитан Кравир появился, когда я уже была без одежды. Разорванная в клочья, она валялась на полу трюма. Я извивалась, как могла, но пятеро здоровых мужиков без оружия не одолеть, как, впрочем, и с ним, они ведь со скоростью света разоружили меня! Капитан уставился на мои проколотые соски (пирсинг я сделала наперекор родителям, когда мне было шестнадцать, потому что они не пустили меня на Пирфаниские гонки). Этот огромный мужчина сглотнул и представил мне выбор: или я становлюсь игрушкой команды и потом, если выживу, меня продадут в какой-нибудь бордель; или я становлюсь только его постельной грелкой, и тогда команда меня не посмеет коснуться. По-моему, выбор очевиден.

– С-с-с с тоб-бой, – ответила я, дрожа от ужаса и пытаюсь руками прикрыть наготу.

– Кравир, ты обещал нам, что первая самка, которая попадётся, будет для команды, – взбесился иркашерианец. Он бросился на капитана и упал. Мёртвый. Его мозги разлетелись по всему отсеку.

Капитан ощерился, и от него пришла волна превосходства. Он рявкнул:

– Я же сказал, что она моя!

Меня отвели в отсек, где выдали больничную робу и велели вымыться.

Лёжа на широкой постели в отсеке капитана, я почти не дышала, прислушиваясь к шагам. Вот дверь отъехала, и Кравир ввалился в отсек. Я сжалась. Он, не глядя на меня, последовал в душ, а потом, не одевшись, шагнул в сторону кровати. То, что я успела рассмотреть, повергло меня в шок.

Он же разорвёт меня!

Я зажмурилась и услышала приказ:

– Сними одежду, милашка, я не собираюсь терпеть в своей постели одетых девиц.

Я сглотнула, села на кровати и дрожащими руками стянула больничную пижаму. Мужчина поднял пальцами мой подбородок и провёл большим пальцем по моим губам.

– Я... я... никогда... я...

Он склонил голову вбок, и от него внезапно пришла сначала волна понимания, потом волна сдерживаемого восторга

и... немного... нежности?

– Ложись спать, милашка, я устал как космопортовый грузчик.

Я кивнула и быстро завернулась в одеяло. Услышала смешок.

– Не так быстро, милашка.

Он отобрал у меня одеяло и придвинулся ближе. Обнял за талию, и я почувствовала, как меня коснулось ЭТО.

– М-м-м, от тебя приятно пахнет чистенькой девочкой, милашка.

Он завозился, устраиваясь поудобнее, а после уснул. Кажется, я задремала только к концу ночи.

Моя первая близость случилась через неделю после того, как я оказалась на транспортнике Кравира. Как ни странно, но он оказался внимательным и чутким. Противно не было, как и очень (как об этом говорят) хорошо. Очень хорошо стало со временем. Благодаря этому мужчине я научилась понимать себя, свои потребности, научилась не только получать удовольствие, но и дарить его. Со временем я стала полноценным членом команды транспортника 17Op-ДиЛ-0014-с. Полноценным членом команды контрабандистов. От судьбы не уйдёшь. Я бы не сказала, что любила Кравира, это было скорее чувство привязанности, благодарности. Ведь всему, что умею, я научилась у него: читать карты, изобретать трюки, чтобы проскочить между патрулями пограничников и таможенников. Он научил меня драться. Начав трениров-

ки, первые недели я постоянно ходила в синяках. Кравир не разрешал избавляться от них.

– Телесная боль – самый лучший учитель, милашка, – говорил он, рассматривая длинные продольные синяки на моих бёдрах и попе – следы от палки, которой он меня отходил, потому что оказалась не такой быстрой. Пришлось научиться ещё и бегать. А ещё пользоваться отмычками, вскрывать замки и потенциальные кандалы. Путь контрабандиста почти всегда приводит к каторге или тюрьме.

Как-то, спустившись на очередную планету, мы гуляли по огромному местному рынку. Своих денег у меня почти не было. Кравир давал всё, что мне требовалось и чего хотелось. Всё, кроме свободы. Он по-своему любил меня и отпускать не желал. Внезапно нас окружили мужчины в серо-голубой форме.

– Капитан Кравир, вы арестованы за контрабанду оружия, специй и ароматических веществ.

Мы всегда знали, что подобное может произойти, поэтому всегда были наготове. Кравир, выпустив мою руку, двинул в челюсть одному мужчине и пнул другого, я выхватила свой тазер и успела уложить ещё одного, а потом Кравир негромко скомандовал:

– Бежим!

Пока мы петляли меж магазинов и лавочек, Кравир через коммуникатор приказал команде:

– Все в космопорт, никого ждать не буду, меня опознали.

Позади послышался гомон. Оглянулась – погоня. Кравир сильнее сжал мою руку, и мы рванули быстрее. Мы сбежали из того негостеприимного мира, наш катер, на котором мы спустились на планету, потрепали, а я сделала вывод: маскировка, отличная физическая форма и судно в хорошем состоянии могут спасти жизнь.

Однажды Кравир решил попробовать новый вид деятельности – поиск древностей. Мы должны были отыскать какую-то древнюю статуэтку, божка почти вымершей цивилизации. Всё осложнилось тем, что статуэтку несколько раз перевозили, и теперь у нас были сведения о пяти «достоверных» местах её пребывания. Нам надлежало все эти места проверить, найти статуэтку и передать заказчику. Единственное условие – подлинность проверит специалист заказчика. Кравир идиотом не был и настоял на независимой экспертизе. А потом началась адская, кропотливая работа. Данные о статуэтке мы искали во множестве источников, пытались выяснить, в каком месте она вероятнее всего находится. Проверять все пять мест Кравиру не хотелось, чем меньше затраты на миссию – тем выше прибыль. Судя по мечтательной улыбке Кравира, прибыль обещала быть немаленькой. Заказчик не скупился, предоставлял нам копии всех запрошенных документов, среди которых нашлись даже деревянные таблички, на которых не обнаружилось и намёка на буквы или цифры – только примитивные рисунки. Мы два месяца всей командой рылись в архивах, сверяли карты звёзд-

ного неба, старинные и современные.

Кравир начал нервничать. Он думал, что это будет лёгкая прогулка, но оказалось, что один из храмов тщательно охраняется местными, и туда мы не смогли попасть. Потратили ещё месяц, чтобы определить, кто глава храма (это тщательно скрывалось), и ещё два, чтобы выяснить его маршруты. Неделя ушла на подготовку операции и захват. Оказалось, это ложный путь, а эта цивилизация – ответвление более древней. Статуэтка хранилась в этом храме всего три тысячи лет, а потом её украли, теперь её местонахождение неизвестно. Допрос вёлся с применением веритата, препарата, развязывающего языки, так что сомневаться в словах главы храма никто не стал. Его высадили в джунглях, в паре десятков километров от места, откуда похитили, и мы отправились проверять вторую версию.

Кравир злился. Затраты, видимо, уже не окупали будущую прибыль, но заказ следовало выполнить – иначе можно лишиться репутации.

Когда мы вошли в пещеру, рядом с ухом раздался свист. Кравир дёрнул меня себе за спину и выругался. Из его плеча и запястья торчали дротики, а двое наших – док и телохранитель Кравира – заплатили дань этому неизвестному божку, отдав жизни. Дальнейшее продвижение стало смертоносным танцем. Почти на каждом шагу нас поджидали ловушки. То над головой полыхнёт пламя, то резко исчезнет часть пола, то неожиданно пойдёт дождь из стеклянных осколков.

К концу пути ранеными оказались все члены отряда. И вот мы стоим рядом с алтарем – простой каменной чашей, – а внутри стоит безобразная фигурка из нефрита. Толстый, вывалившийся из-под набедренной повязки живот, полусогнутые ноги, непропорционально большая голова, украшенная высокими перьями. На шее божества висел диск на цепочке, на руках и ногах – браслеты.

Кравир попытался схватить статуэтку, но внезапно меня окатило чувство опасности.

– Стой!!! – закричала я и выдохнула – он послушал меня.

Мне нравилось то, чем мы занимались последние месяцы, это влекло меня. Я дополнительно прочитала и просмотрела множество лекций на тему археологии, поиска ценностей и их подготовки к аукционам, про сами аукционы. Почему-то мне это нравилось. Копаться в старинных текстах, сверяя названия, подбирать синонимы слов, вычерчивать на космических картах возможный путь, делая допущения, учитывая, что во время древнего путешествия та или иная звезда ещё не существовала и только формировалась. Я чувствовала, что это моё! И сейчас я знала: если мы сдвинем статую, может активизироваться последняя ловушка. Похожее описывалось в очерках некоего профессора археологии, бонса Юарье. Пытливый был профессор, на экспедиции средств не жалел. Работников тоже не жалел, но и результаты получал впечатляющие. Например, раскрыл тайну гробницы Исмаливэлл – последней царицы древней Хиарлии. Женщина

правила восемь тысячелетий и не старела. Оказалось, что её предки нашли устройство, в которое можно было войти и получить собственную копию. Между прочим, с теми же знаниями и умениями... Царицу убил её же любовник, которому она обещала поделиться властью, если тот раскроет заговор против неё. Он мог стать её официальным мужем и соправителем. Но своё обещание она не сдержала.

– Надо заменить статуэтку чем-то близким по весу и размеру.

Команда заозиралась. Ребята притащили несколько камней, я выбрала один и, быстро схватив статуэтку, поставила камень на алтарь. Ничего не произошло.

Наш суперкарго рассмеялся:

– А может, никакой ловушки и не было?

Кравир в бешенстве спросил:

– Проверишь?

Суперкарго заткнулся. На обратном пути мы бросали камни, ожидая активации ловушек, через которые проходили по пути сюда, но ни одна не сработала.

Заказчик при встрече боголепно встал на колени, поклонился статуэтке, шепча:

– Приветствую тебя, божественный Кцахлтрендавурастенлик!

– Кого приветствует? – шёпотом спросил обескураженный Кравир у независимого эксперта.

Тот пожал плечами:

– Он чествует своего бога дикции и памяти...

После миссии капитан был в бешенстве, таким его команда никогда не видела. Мало того, что потеряли двоих, так ещё и почти не получили прибыли – сказались большие временные и финансовые затраты.

От следующих таких предложений Кравир наотрез отказывался, но, видя мой искренний интерес к этому, рассказывал, в чём чуть заказа, за который он не взялся. Я искала информацию по таким заказам и иногда случайно находила упоминания об артефактах, совершенно безумных с точки зрения логики и современной науки. Иногда мне попадались туманные отсылки на то, что я обрету могущество или счастье, если пройду некие испытания.

В целом меня устраивала такая жизнь. Мне нравилось балансировать на острие. Но однажды всё, к чему я привыкла, путешествуя с Кравиром, закончилось. В тот раз он взялся за отвратительный контракт – за перевозку живого груза. Рабов! Наивной я уже давно не была – не имело смысла просить Кравира отпустить несчастных или вернуть на родину. Он, как капитан транспортника контрабандистов, нашёл ещё один способ заработка.

Работоторговля! Это уже без меня!

Моя «Кометочка» была сцеплена с 170p-ДиЛ-0014-с мощными электронными замками. Мне пришлось повозиться, чтобы незаметно открыть их и не сработала сигнализация. Кравир оказался хорошим учителем.

Завтра. Завтра я покину это судно.

Так я думала, сидя на кровати и расчёсывая волосы. Кравир оставался на мостике и планировал задержаться там до глубокой ночи. Мы слишком близко подошли к газовому гиганту, и он лично хотел убедиться, что наш транспортник безопасно покинет эту систему. Внезапно дверь отсека отъехала – в комнату влетел Кравир, от него веяло яростью. Он шагнул к кровати, схватил меня за волосы и, намотав их на кулак, ядовито спросил:

– Сбежать вздумала, Кимири? Искин сообщил, что «Комета» практически отстыкована от транспортника. Я просмотрел видео с голокамер, и каково же было моё удивление, когда я увидел, кто помог замкам отключиться.

Он грубо впился губами мне в рот.

– Ты уйдёшь, когда я этого захочу, Кимири! Попытаешься сбежать ещё раз – убью!

Он сам учил меня, что нужно или нападать сразу, или не нападать вообще. Резко, с силой, на какую только была способна, я ударила его рёбрами ладоней по шее. Он закатил глаза и рухнул на пол. Натянув штаны и ботинки, сняв с пояса Кравира электронные ключи, я бросилась к «Комете».

Какое счастье, что взбешённый Кравир принёсся сразу ко мне. Комета оказалась свободной. Я прыгнула в кресло пилота и запустила двигатель, отстыковалась и двинулась прочь из системы. Чёткого плана у меня не было. Только желание сбежать подальше. Внезапно «Комету» тряхнуло.

«Попадание. Щит на тридцати процентах».

Ржавый фюзеляж!

Щит моей «Кометы» был очень слабым. Я думала подкопить на защиту получше, выполняя простые заказы, но напоролась на Кравира. Он не платил мне, как членам своей команды. Хотя нужды я не знала – все мои просьбы выполнялись.

Поступил вызов. Даже не стала отвечать. Кравир. Я полагала, это предупредительный выстрел. Выжала из двигателей всё, что могла, и понеслась прочь. Вот только транспортник моего бывшего любовника гнал быстрее и снова дал по мне залп. И снова предупредительный.

Снова вызов. Его я уже нагло сбросила. А затем началась гонка со смертью, теперь Кравир бил по-настоящему. Я еле-еле уходила от залпов, транспортник нагонял меня.

Нет! Я не буду участвовать в работорговле! Хочу сама распоряжаться и своей жизнью, больше не буду ни от кого зависеть!

Руки дрожали от напряжения, волосы прилипли к спине и шее, транспортник Кравира всё приближался. Снова залп!

– Как же я хочу оказаться подальше отсюда! – закричала я в отчаянии и увидела, как в каких-то паре тысяч километров от носа «Кометы» появилось большое круглое зеркало, идущее рябью.

– Что за?..

Поверхность зеркала лопнула, и я увидела огромную во-

ронку. Почему-то именно таким мне представился этот дрожащий коридор. На том конце коридора виднелась неизвестная система.

Да плевать какая! Я же хотела оказаться как можно дальше отсюда?!

Я направила «Кометочку» в воронкообразный переход. Приборы показали, что транспортник ринулся за мной, но он хотя бы перестал палить. Я гнала «Комету» на предельной скорости. Вот он, выход. Вынырнула из воронки, осмотрелась и застонала. Из глаз потекли слёзы.

– Негде прятаться!

Затухающая звезда и пара каменных обломков, плавающих в космосе – вот и всё укрытие.

– Да что б ты застрял в этом переходе, Кравир! – от души пожелала я и застыла с открытым ртом. Воронка пропала! Вместе с транспортником Кравира.

Я ощупала себя, проверяя, не появилось ли у меня дополнительных частей тела – биологических антенн или шишкового нароста на лбу, отвечающего за телекинез или... или за исполнение желаний.

Не могло так совпасть, чтобы я просто пожелала – и Кравир исчез! Вселенная никогда не была щедра со мной, этому есть какое-то объяснение!

Усталая, я побрела спать. Всё, что случилось сегодня, я собиралась обязательно обдумать. Завтра.

Я закусывала губу, жмурилась, громко говорила, что хочу на Арин. Всегда мечтала однажды попасть на белые песчаные пляжи, искупаться в тёплом океане. Уж больно привлекательную рекламу давали аринцы, зазывая на свои курорты.

Ничего не получалось. Совсем. Я уже начала сомневаться, что та воронка образовалась из-за меня, из-за моего желания. Я даже щёлкала пальцами, приказывая:

– Откройся!

Ничего не происходило. Я проанализировала записи, свои ощущения от вчерашней безумной гонки и пришла к выводу, что это всё же я как-то поспособствовала этому чуду. Но как?!

– Я что, совсем не хочу на Арин? Почему у меня не получается?

Я выдохлась, запустила программу пищевого синтезатора, который приготовил мне напиток, идентичный ароматному напитку из ягод и трав Виллосии. Как-то мы спускались туда с Кравиром. Он решил устроить мне романтический ужин и был очень нежным после, когда мы остались одни в нашем отсеке.

Я устало пялилась во мрак космоса через иллюминатор и пила лиртиу. Рядом крутилась голопроекция Арина. Бездумно переводя расфокусированный взгляд на голопроекцию, я краем глаза заметила в иллюминаторе то самое дрожащее зеркало. Через мгновение оно исчезло, и на том конце воронки появился бело-голубой шар – точно такой же,

как тот, что сейчас вращался в виде голопроекции рядом со мной.

Я сглотнула. Мысли в голове заматались, как метеоры.

Значит, это всё-таки я... Я сделала такое! Надо запомнить своё состояние в момент, когда это произошло, надо потренироваться! Теперь я смогу брать та-а-а-кие заказы! И переправлять их за считанные часы! Надо только проверить, может, есть ограничения? Нужно это выяснить. А ведь навигаторы могут делать что-то похожее. И, кажется, они гордятся своими уникальными способностями. Вот будет интересно посмотреть на рожу навигаторского императора Эурика нье' Ринд, когда ему сообщат, что способности проклятых вигов не уникальны, что другие тоже кое-что умеют!

Я одёрнула себя.

Нет, такая возможность – это моё преимущество. Надо скрывать её. Мало ли кто захочет мною воспользоваться? А я пока даже не понимаю, как и что делать.

Тут я заметила, что на том конце воронки завис аринский патрульный катер. Испуганно вздрогнула.

– Нет... мне тут никого не надо!

И... воронка исчезла.

Финансов катастрофически не хватало. Заказы приносили прибыль всего в две-три тысячи кредитов. Моя репутация росла о-о-очень медленно. Хотелось биться головой о пере-

борку трюма.

Да что же делать-то?

Возвращаться на Серванес желания не было совсем. Что я стала бы делать на этом убогом планетоиде, пусть и хорошо защищённом? Родители знали, что всё в порядке – я изредка присылала им сообщения.

В один из дней мне пришло сообщение, что за доставку груза в целости и сохранности мне заплатят двести тысяч кредитов.

Кимири Уортс: Груз?

Неизвестный отправитель: Итарские дайчата.

Я быстро посмотрела, что это такое. А вернее – кто это такие. Дайчата оказались пушистыми оранжевыми комочками с небольшими ушками, пятью глазками-бусинками и смешным розовым язычком. Родом из мира Итар.

Дайчата – вымирающий вид. Запрещённый к вывозу из Итара.

Ага, то есть мне предлагают провезти через таможенню Итара этих милах.

Кимири Уортс: Запрещённый к вывозу груз.

Неизвестный отправитель: Вы не понимаете! Не понимаете! Их надо спасти. Срочно! С каждым годом их популяция уменьшается! Наше правительство совершенно не

занимается спасением этого вида! А ведь спасение – это не только ограничение охоты на них и выделение заповедной территории. Дайчатам надо помогать размножаться! Да, помогать! Но никто не заинтересовался нашей программой, и их вид умирает! Скоро, лет через сорок, этот вид перестанет существовать! Мы предлагали разные идеи и варианты. Мы привлекали высших управленцев разных планет, нам не раз удавалось опубликовать наши исследования! Многие издания Вселенной затрагивали эту тему, но правительство Итара считает, что для сохранения вида сделано всё! Но я, как профессор кафедры экологии Итарского государственного высшего университета, ответственно заявляю, что эти меры недостаточны! Недостаточны! Нам, экологам, зоологам, биологам удалось отыскать мир, где они смогут размножаться практически самостоятельно. Са-мо-стоя-тель-но!!! Нужно только переправить этих зверей на Лираки! Как только их популяция превысит двадцать тысяч особей, мы вернём половину обратно на Итар!

Кимири Уортс: Доказательства?

И от неизвестного профессора посыпались ссылки на совершенно разные ресурсы, официальные и не очень.

Кимири Уортс: Беру три дня на проверку информации.

Профессор на упомянутой кафедре оказался единствен-

ным. С голофото на меня смотрел типичный иtareц: коричнево-серая кожа, лысая голова, жёлтые радужки глаз-плошек, с веками, которые при моргании закрывают только часть глаза. Подбородок закрыт плотной «бородой», хотя эти чувствительные к запахам и звукам отростки кожи неравномерной длины неправильно называть так.

На официальном общедоступном портале университета я смогла посмотреть, чем занимается кафедра, возглавляемая профессором Эззинори ит Риаззи. Большую часть научных работ он посвятил вопросам сохранения биоразнообразия Итара. Конечно, я проходила краткий курс биологии и экологии, но многие из опубликованных на портале работ остались для меня непонятны. Хотя общую суть я уловила. Многолетние наблюдения действительно показывали, что дайчата вымирают.

Осталось проверить, что об этом говорит разнообразная пресса. И тут сюрпризов не оказалось. Официальные источники, обязанные всевозможными способами проверять информацию перед публикацией, писали о проблемах сохранения этого вида с Итара.

Дайчат стало жалко. У меня появилась идея, как обойти итарийскую таможню.

Кимири Уортс: Возьмусь за заказ, если вы, профессор ит Риаззи, полетите со мной. Нужно контролировать состояние ваших зверушек.

Эззинори ит Риаззи: Готов, назовите условия и дату вылета.

Кимири Уортс: Сообщу за неделю до мероприятия.

Что ж, я, не зря три года провела с Кравиром и его предприимчивой командой. Пути обхода таможни я уже обдумала. Следовало только убедиться, что груз, под который я могла бы замаскировать дайчат, легальный.

Я почти двое суток не спала – искала зверей Итара, хоть отдалённо похожих на дайчат. Ничего! Постепенно сформировалась иная идея.

Мы с профессором ит Риаззи больше суток шлифовали разломы в скорлупе яиц геверлана острохвостого – одной из самых распространённых на Итаре птиц. Профессор возмутился тем, что я умертвила пять сотен будущих геверланов. Я ответила, что купила неоплодотворённые отбракованные яйца и никаких геверланов из них вылупиться не могло.

–И вообще, профессор, на Итаре этих особей больше трёх миллионов, им вымирание не грозит, – фыркнула я, кладя в специальный короб последнее яйцо.

Спина страшно ныла, но нужно было закончить операцию. Дело в том, что в скорлупу довольно большого яйца геверлана острохвостого очень хорошо помещались новорождённые дайчата. Оставалось и место для воздуха, который малыши во время сна потребляли в совсем небольших коли-

чествах. Нам пришлось аккуратно расколоть каждую скорлупу на две части, поместить внутрь дайчонка, скрепить скорлупу подходящего цвета мастикой, закачать в крохотное отверстие воздух и заполировать мастику так, чтобы внешний вид расколотого яйца не отличался от целого.

Конечно же патруль решил проверить задекларированные к вывозу яйца геверлана. Один из патрульных оказался подкованным в перевозке биологических грузов и попробовал просветить ультрафиолетовой лампой яйца. Я внутренне сжалась. Ультрафиолет быстро показал бы, что скорлупу уже раскалывали, никакая мастика не сможет скрыть нарушений в целостности скорлупы в таком освещении.

Выручил профессор. Он, как безумный, заорал:

– Пошёл прочь, болван необразованный! Да откуда же вас таких набирают? Ты что, не знаешь, что действие ультрафиолета вызывает патологии у геверлана острохвостого! Даже в детских учебниках пишут, что эти птицы прячут свои яйца в пещерах, чтобы ультрафиолет не мог подействовать на них! Ты возмёшь на себя ответственность за мёртвых птенцов? Или птенцов без глаз или без перьев?

Похоже, патрульные узнали скандального профессора, мужчины в форме раз десять извинились и покинули «Комету». Миссия по спасению дайчат прошла успешно.

Мо даже похвалил меня:

– Искусственный интеллект так всё обставить не сможет, Кими.

Сомнительная похвала, но какая есть.

Мо появился у меня через три недели после того, как я сбежала от Кравира. Помня, как раз за разом просаживалось защитное поле «Кометочки», я решила поискать на кладбищах кораблей запасные части и детали, которые могли бы мне пригодиться. С этих кораблей уже давно сняли всё самое ценное, но работавшие в верфях Серванеса бывалые пилоты транспортников не раз говорили, что даже на таких помойках можно найти нечто достойное. Правда, поиск займёт много времени, да и конкурентов много, не смотря на то что судна обобраны не раз и даже не пять.

– Ржавый фюзеляж, – ругалась я, перешагивая через обрезки палубных опор, – как же я ненавижу быть нищей! Почему у меня нет кредитов, чтобы я могла поставить себе самое современное защитное поле?

Перебираться через разрезанные остатки корабля в скафандре – та ещё задачка. Внезапно нога зацепилась за что-то, взвизгнув, я дёрнула ей и оглянулась.

Дохлый древний бот!

Именно за его верхний единственный манипулятор я и запнулась. Со злостью пнула железку, и та повалилась на условную спину. Я остановилась.

Надо же. Целый. Дико древний, но целый.

Меня вдруг охватил азарт: что, если эти электронные счёты (про них рассказывали на уроках истории) что-нибудь помнят со своих времён?

– Надеюсь, его батареи не настолько разряжены, – бубнила я, подключаясь к боту через небольшой шлейф. На боковом экране внутри шлема побежали быстрые строчки. Читать их я не успевала, просто скачивала информацию. Тут строчки остановились, замелькала надпись: «Помогу найти то, что ты ищешь, гуманоид, но за это ты заберёшь меня к себе».

– Ты что, торгуешься? – опешила я.

Хм, кажется, не только я подключилась к боту, но и он ко мне. Кажется, он сейчас управляет моим скафом. Неприятное открытие.

«Хочется жить».

Я даже немного зависла. А это точно бот передо мной? Я наклонилась и ощупала явно металлическое тело. Бот, стопроцентный. Я даже рассмотрела табличку на его груди. Провела по ней перчаткой, смахнув изморозь, и прочитала:

– М.О. 145-О-1/2. М.О? – уточнила я.

«Модель основная», – появилась строчка на боковом экране.

– Хорошо, Мо. – Я тут же дала имя этому странному разговорчивому боту. – Беру тебя в команду. Мне всё равно не с кем разговаривать. А ты, оказывается, смыслённый, – пошутила я.

«Что ты ищешь, гуманоид?»

– Я Кими, – представилась я. – Ищу генератор защитного поля, а можно два полудохлых, соберу из них один. – Тут мне стало интересно, и я спросила: – А что ты будешь делать,

если я воспользуюсь твоей помощью и всё же оставлю тебя тут?

«Я знаю, где можно найти то, что ты ищешь. Знаю, где ещё не сняты приборы дальнего обнаружения противника. Там же остались шесть поражающих на средней дистанции ракет. Где-то тут есть пара пищевых синтезаторов, им всего сорок лет. Я сообщу, где всё это находится, когда окажусь на твоём судне».

Да я и не против, только запру его в небольшом отсеке в трюме.

Мо оказалась честным. Как только я доставила его на «Комету», на боковой экран шлема пришли координаты. Благодаря Мо я нашла множество полезных вещей на том кладбище кораблей. Почти всё из них мне не пригодилось, но я продала их на разных станциях старьёвщиков и выручила почти семьдесят тысяч кредитов. Я посчитала справедливым восстановить за часть этих средств второй верхний манипулятор Мо.

Я выключила воду. Почему-то чувство потери не отпустило.

Что-то я сегодня слишком сентиментальная...

На коже горели прикосновения Дина Ири. Я помотала головой.

Это гормоны... месячные скоро.

Пара дней прошли в делах – Мы с Мо облетели несколько барахолок, там по приемлемой цене купили необходимые запчасти к «Комете», закупили кормосмеси для пищевого синтезатора, картриджи для амниотической капсулы. Вот тут я не сэкономила. На своём здоровье не экономят.

Ещё я на неделю арендовала бокс технического обслуживания с комплектом ботов-ремонтников. Мой доход и жизнь зависели от «Кометочки», поэтому техническое обслуживание я проводила регулярно. А если вдруг возникала неполадка, стремилась почти сразу же её исправить. Ремкомплект на все случаи жизни занимал довольно много места в моём трюме – никогда не знаешь, в какую секунду придётся удирать из-под радаров пограничных кораблей или имперской навигаторской засады, под рукой должно быть всё необходимое.

Предстояла рутинная работа: диагностика, потом, скорее всего, вскрытие панелей управления. Нутром чуяла: дело в этих новых проводах, которые я заменила четыре месяца назад. Попутно боты-ремонтники выправляли вмятины во внешней обшивке (это мне пришлось вплотную притереться к козырьку скалы, чтобы меня не заметил индриканский патруль). Я, в общем-то, ничего незаконного не делала в тот раз, но внимания привлекать к себе не хотела.

Ботам также можно было поручить и замену страшно воюющей гидравлической жидкости. Ненавижу менять её сама.

Я почти полностью залезла под трап. Точно – новый провод частично оплавился, поэтому трап не мог опуститься

полностью. Не то чтобы очень хотелось садиться на планеты, но некоторые миры могли себе позволить грузовой космопорт, и тогда этот трап оказался бы полезен. Из-за некачественного провода увеличился риск короткого замыкания и, как следствие, пожара на корабле. А в космосе пожар на судне почти всегда равен смерти.

– Идиотка! – ворчала я себе под нос. – Сэкономить решила, купила у непроверенного поставщика. Теперь придётся менять всю электрическую обвязку трапа и двух шлюзов. – Там проблем пока не возникало, но не стоило ждать, пока появятся.

Внезапно послышалось покашливание:

– Кхм-кхм...

Я похолодела.

Дранкз волумский! Почему Мо пустил кого-то в арендованный ангар?!

Схватив удобнее электронную отвёртку, я осторожно высунулась из-под пульта. Показались ноги в берцах, пилотский комбинезон, насмешливые оранжевые глаза и поднятая синяя бровь.

Как он нашёл меня?

Я дёрнула рукой, чтобы вогнать отвёртку ему в ногу.

Непростой оказался малыш, умудрился отыскать меня, а ведь это не так уж и легко. Так что и жалеть его нечего.

– Не-а, Уортс, – покачал головой Дин, и я перевела взгляд на его руки. Захотелось выругаться. В руке Дин держал бла-

стер, и его раструб был направлен на меня. Впрочем, мой камень передал, что парень пока настроен мирно. И пребывает в превосходном настроении.

Он протянул руку, предлагая помочь встать.

Что ж, пожалуйста, воспользуюсь предложением.

Я кокетливо улыбнулась и, поднявшись, резко выбросила руку и с силой ударила Дина по руке, удерживающей бластер. На секунду тот опешил, и этого хватило, чтобы броситься бежать. Тут стояло несколько ящиков, а сверху — вполне удобная арматура. От опытного противника одними руками и ногами я не отбилась бы.

Надо только добраться до арматуры...

Внезапно меня дёрнули за хвост, в который я забрала волосы, чтобы они не мешали, и я завопила от боли:

– Ааа! Отпусти, придурок!

Из глаз брызнули слёзы. Дин отпустил мои волосы. Камень передал, что парень не злится, он испытывал лишь азарт.

Ах так?! Ну ладно!

Не разворачиваясь, я наступила каблуком на берц, и один из секретов в нём сработал – короткое лезвие проткнуло обувь и стопу нахала, что так грубо обошёлся с моими волосами. Но Дин оказался быстрым и сообразительным.

Да откуда ж ты такой взялся?!

Он зашипел от боли, но обвинил меня руками, не давая двигаться. Я попыталась ударить его затылком в нос, но он умуд-

рился отвернуться. Я извивалась, крутилась, пытаюсь снова встать ему на ногу каблуком, но Дин был начеку. Страннее всего – выбираться из этих странных объятий не хотелось.

– Да что тебе надо от меня? – рывкнула, наконец, я, запыхавшись.

– Как что? – деланно удивился он. – Обсудить условия контракта на поставку землиранской билаги в Бутылочный Войд. Ты взяла аванс, тем самым подтвердив, что сделка состоится.

От парня пришла волна удовлетворения.

Меня провели. Обманом втюхали мне ненужный контракт. И сделали это так виртуозно, что я только сейчас поняла, к чему был тот дурашливый вид в заведении Кусаки Имнира. Сучонок!

– Верну тебе кредиты. Схожу в другой рейс и верну. Не хочу участвовать в таких мероприятиях.

Дин отпустил меня, и от него пришла волна веселости.

– Какая совестливая контрабандисточка, – протянул он, насмешливо рассматривая меня.

Я пожала плечами.

У меня почти нет денег, если не найду заказ в следующие две недели, придётся залезть в свой запас. А ещё этому кредиты отдавать.

– Нет, Кимири Уортс, тебе придётся выполнить заказ, за который ты взялась, или запись моего ограбления отправится в семь ближайших миров. Думаю, виги тобой заинтересу-

ются. Тогда ты надолго потеряешь возможность появляться в большинстве соседних галактик.

Я чуть не взвыла. Именно из этих галактик поступала большая часть заказов!

– Почему сам не отвезёшь туда груз?

– Я не знаю обходных путей. – Он улыбнулся. – Ну же, Кими, – он самовольно сократил моё имя (и откуда он его узнал?), – соглашайся. Кредиты не пахнут!

Какой же ты гад!

В голову тут же пришла идея. Я поняла, как сорвать контракт.

Я лучше выплачу неустойку и в дальнейшем буду держаться от этого парня подальше.

Я думала об этом, но мне хотелось сделать наоборот. Хотелось шагнуть ближе и прижаться к нему. Хотелось, чтобы он снова меня поцеловал.

Очень странные мысли! Я не сплю с заказчиками!

Я сделала вид, что задумалась, а потом нехотя кивнула.

Он улыбнулся.

Ржавый фюзеляж! Обаяние из него так и прёт.

– ...и я участвую в составлении маршрута.

– Нет! – отрезала я.

– Я тебе не доверяю! – заявил он.

– Так может, я верну тебе аванс? – с готовностью предложила я.

Ржавый фюзеляж с ним, залезу в свою финансовую по-

душки, отдам всё, что у меня есть, и отделаюсь от него.

– Обойдётся, Кими!

– Тогда маршрут я составляю одна.

– Да почему же? – Камень передал волну удивления от Дина.

– Я не доверяю тебе, – вернула я ему его же фразу и нехотя пояснила: – Если ты всё же дознаватель Потрошителя, у меня будет шанс скрыться. И я не буду бояться засады за каждым планетарным спутником или астероидом.

На моих словах о Потрошителе парень скривился, и от него пришла волна злости.

Что, адмирал навигаторского флота успел уничтожить того, кто был тебе дорог? Хоть какая-то гарантия, что ты не навигаторская ищейка.

Да, мой небольшой белый камень в мочке уха служил отличным подспорьем в деле транспортировки грузов.

– Но я лечу с тобой!

Почему бы и нет? Кажется, ты ушлый парень и драться явно умеешь...

У меня уже начал складываться план, как проникнуть с былагой в Бутылочный Войд.

И я очень надеялась, что Ири мой план не понравится.

Глава 2

Дин Ири (Адмирал Вэрдиан (Дин) нье' Товен, По-

трошитель)

Под ноги упали разноцветные тряпки.

– Переодевайся, Дин, сегодня ты – Великая Ш’Ашерра, звезда сцены, – заявила Кимири.

Как же я устал от её шуточек и подначек!

Но дело есть дело. Наши агенты разрабатывали семерых преступников, постоянно заглядывавших в кабак «Грязная шлюха Шилье», и девица Уортс оказалась одной из ниточек, ведущих к серванским контрабандистам. Я обещал ублюдку, который на долгие годы оставил отца не способным к самостоятельному передвижению, что найду его и уничтожу. Обещания надо держать!

Аналитики, психологи и тактики изучили информацию, которую мы нашли о Кимири Уортс, и пришли к выводу, что она очень разборчива и за первый попавшийся заказ не возьмётся. Доказательств того, что именно она провернула ту знаменитую доставку (по сути, кражу) дайчат, обнаружить не удалось. Впрочем, возможно, только благодаря ей популяция этих зверушек теперь неуклонно растёт.

Разрабатывать Кимири Уортс рекомендовали мне лично. Выяснилось, что я тот тип мужчин, с которыми её изредка видят. Вот только эта информация не вязалась с тем, что Уортс крайне редко вступает с кем-то в связь и на смазливую мордашку залётного парня никогда не поведётся. Для достоверности мне создали целую несуществующую биографию.

Мол, я бывший учащийся военного заведения, меня выгнали с позором, я занялся грузоперевозками, но оказался очень азартен – проиграл свой транспортник на Хейране.

Аналитики сообщили, что она берётся за незаконные перевозки только в одном случае – если её вынудят. Поэтому восемь последних месяцев разведка вигов осторожно, не топясь, перехватывала у Уортс заказы. Иногда мы действовали грубой силой, заставляя некоторых заказчиков отказываться от контрактов. Мы сделали всё, чтобы Кимири Уортс оказалась практически нищей. И вот тут явился я, дразня её своими «легкодоступными» кредитами и смотрящий на неё влюблёнными глазами. Нам требовалось посадить её на крючок, будь это деньги или секс.

Девчонка оказалась не такой уж и загадочной. Очень быстро купилась на мой дурашливый вид. Но вот что совсем не входило в мои планы, так это то, что меня так к ней потянет. Меня, адмирала императорского флота, того, кто истребил не один десяток пиратских и контрабандистских группировок, потянуло к контрабандистке, хоть и очень привлекательной.

Я помню, какую эйфорию испытал, когда коснулся нежных, податливых губ. Странное чувство охватило меня, захотелось оградить эту практически незнакомую женщину от любых невзгод, от всего мира, чтобы заботиться о ней, оберегать. Я вдруг подумал, что у нас будет не меньше троих детей. В тот момент я даже не вспомнил о любви всей моей

жизни – о принцессе Трин нье' Риолин-Ринд. Уже парализованный, лёжа во флаэре, я подумал, что Уортс не только парализовала меня, но ещё и чем-то одурманила. Ну не мог я испытывать то, что почувствовал, целуя её! Это какой-то препарат!

Я с самого детства любил Трин. Теперь такую далёкую и холодную. Но такой холодной моя принцесса, девушка с пронзительными, как у матери, синими глазами, была не всегда. Когда-то давно мы дружили с юной принцессой. Меня неизменно приглашали на её дни рождения. Когда маму вызывали во дворец (император лично интересовался делами школ навигаторов), меня всегда отправляли к Трин, и она была рада меня видеть! Искренне рада! Но потом её зачем-то отправили в частную закрытую школу, и теперь я видел её два-три раза в год и только на официальных мероприятиях. Она стала молчаливой. Вежливо улыбалась, когда я говорил ей комплименты, и старалась отделаться от меня при любой возможности. Я не понимал происходящего. Думал, возможно, когда принцесса поступит в школу навигаторов, всё изменится.

Мы мечтали о школе, когда нам было по двенадцать лет, говорили о ней, гуляя по дорожкам у императорского дворца. Но пришёл срок, и я поступил, а она – нет. Она была всё так же заперта в своей частной школе.

Недавно я, улучив момент, застал её одну. Она сидела на

скамейке в саду.

– Трин, поговори со мной, – попросил я. – Почему ты так отдалилась?

Она подняла на меня ярко-синие глаза и спокойно ответила:

– Наверное, я выросла, Вэрдиан.

Я присел рядом с ней, поцеловал её пальцы.

– Я всё также тебя люблю, Трин, дай нам шанс!

Трин поднялась со скамейки и двинулась в сторону двorca.

– Всего доброго, Вэрдиан!

Это холодное прощание ошарашило меня, и я совершил глупость – догнал её, схватил за талию и попытался поцеловать. В ту же минуту я отлетел от Трин – меня свалил наземь сильный удар в скулу. Трин хмуро посмотрела на меня, потёрла кулак. А я офигел.

Вот это сила!

А ведь когда-то... когда нам было по четырнадцать, она совсем не возражала против моих поцелуев или объятий. После самого первого нашего поцелуя я понял, что никогда не смогу отпустить её. Я осознал, что хочу быть достойным своей принцессы. Чтобы никто не смог ткнуть в меня пальцем и сказать, что её брак со мной – жуткий мезальянс, ведь мои родители не аристократы.

Уже тогда я ловил завистливые взгляды юношей-придворных. В моменты, когда мы, держась за руки с Трин, возвра-

щались с прогулки. Когда Трин смеялась над моими шутками или рассказами о жизни на маяке родителей. И когда я приносил ей напитки или мороженое.

Я вернулся мыслями к происходящему. Кимири насмешливо посмотрела на меня.

— Ну давай, Ири, докажи, что ты не ищейка Потрошителя, что ты сам заинтересован в доставке билаги. Давай, подыграй мне. Если ты этого не сделаешь, я вышвырну весь твой груз за борт и тебя с ним в придачу.

Как же она меня бесит!

— Не сможешь, детка! — фыркнул я. — Я обезвредил все твои бластеры!

Она улыбнулась, достала из кармана ограничитель, который я пару часов назад, пока она не видела, установил на её оружие, и наставила на меня раструб бластера, сменив режим с поражающего на парализующий.

— Проверим?

Пришлось поднять руки и обезоруживающе улыбнуться (спасибо, нье' Моттекс).

— Ладно, ладно...

Я поднял тряпку, покрутил в руках.

Нет, я сейчас прибью эту мерзавку!

— Это что? Платье?

— Угу.

— Я не надену это!

– Разрываем контракт? – оживилась Кимири.

– Ещё чего!

– Тогда надевай, будешь помогать перевозить запрещённый груз.

– Не буду!

– Виниакийские пограничники уже засекли нас. Минут через сорок они будут тут. С таможенниками. Нам нужно замаскировать груз.

– Я думал, ты знаешь безопасный обходной путь!

Она огрызнулась:

– Прежде чем тащить свой груз в Бутылочный Войд, поинтересовался бы сначала сам, есть ли обходные пути. Так вот, я тебе говорю, что их нет. А поэтому через двадцать минут ты должен быть одетым и накрашенным в трюме. Будем развлекать таможенников твоим пением.

Она протянула мне небольшую сумку.

– Косметичка. Если что-то разобьёшь или рассыплешь – убою.

– Сс-с-суч... – не сдержался я.

– Мы ещё можем повернуть обратно, – ласково прервала меня Уортс. – Одно твоё слово... – Она выжидающе уставилась на меня.

– Я не стану разрывать контракт.

Она, пожав плечами, ушла в сторону трюма. Мне вдруг вспомнились факультативы по дипломатии. Их у нас вело совершенно невообразимое существо, и нет, это был не ме-

таморф.

На первой лекции по сценическому гриму к нам вышла потрясающей красоты девушка. Гуманоид, на голове – по двое ушей с каждой стороны. Одна ушная раковина чуть меньше, вторая, задняя – больше, но располагается почти сразу же за первой. Розовые полноватые губы призывно блестят. Широкие, сильно раскосые глаза ярко-зелёного цвета смотрят лукаво. Чёрные ресницы подрагивают, будто на ветру, тёмные, почти чёрные, отливающие зелёным волосы, распущены, только пряди у лица небрежно забраны назад.

Девушка с приятной хрипотцой в голосе сообщила, что на этих занятиях мы будем изучать искусство преображения, а точнее – искусство нанесения грима.

На следующий урок по гриму к нам явился огромный хлеос. Зелёная кожа, тёмные волосы, грубый голос. Своими пальцами-колбасками он ловко орудовал разнообразными кисточками и баночками, хотя в первое время постоянно забывал, как называется упругая подушечка, которой наносят крем, – спонж. К концу урока хлеос показал, как визуально увеличить нос или уменьшить губы, как «нарастить» родинку или «исполосовать» шрамами лицо и тело. Увеличение губ – до смешного простая процедура. Для этого всего-то нужен инъектор с подходящим составом. А вот уменьшить губы таким способом без медицинского вмешательства невозможно.

– Глаза нам не врут, но их можно обмануть, – произнёс хлеос и показал, как необходимо наложить тени и блики в нужных местах, чтобы казалось, будто губы меньше или и вообще имеют другую форму.

На следующий урок в класс явилась сухонькая старушка-цветнийка, сообщившая нам, что на предыдущих занятиях она продемонстрировала свои умения в перевоплощении. Заметив наши удивлённые лица, она потянулась к большой сумке, которую принесла с собой, и начала доставать странные бесформенные предметы, попутно комментируя:

– Это клей для приклеивания бровей и ресниц. Обратите внимание, кадеты, – советовала она, – клей лучше подобрать каждому свой, состав кожи у всех разный, будет неприятно, если в ответственный момент у вас распухнут веки от аллергической реакции.

Она выложила на стол основы для масок, наклейки для щёк, ушей, накладку для подбородка... А затем за двадцать минут полностью сменила образ, объясняя в процессе, что и как делает.

Наш класс очень впечатлился произошедшим, и на следующих уроках у каждого кадета на столе появилась косметичка – сумка, набитая всевозможными аксессуарами для преобразования. Всё было приобретено по списку, представленному нам госпожой Вербеной Сушёной, а ещё каждый кадет дополнил свой гримировальный арсенал тем, что счёл нужным. Я – инъекторами с препаратами, позволяющими на

короткое время изменить не только форму губ, но и форму пальцев рук и ушных раковин, не говоря уже про лоб, нос и брови.

Однажды я в таком, «преобразованном» виде явился на маяк родителей. Искин знал, что это я, и даже не подумал никого предупредить. Когда я шёл в сторону отсека родителей, по пути мне попался Отими Отэби, телохранитель отца. Я просто обалдел от его реакции (сам-то я считал, что у меня рукопашка на отличном уровне). Вот он бросил на меня взгляд – а вот я уже лежу на полу, руки вывернуты, сухожилия трещат, горло сдавило сильной лапой, и добродушный симпатяга Отими сухо сообщает, что на маяке посторонние и требует вызвать смотрителя.

– Ты кто, тварь, и как попал на маяк? – спросил он.

Я засипел, пытаюсь сказать, что это я, Дин, но не смог – связки были пережаты.

Вдруг надо мной раздался голос отца. Он тогда только-только начал ходить, специально для него медики разработали жёсткий корсет. Вот только ходил он в нём, как неотлаженный бот. Но всё же ходил.

– Дай ему сказать, Отэби. И пусть подумает, что говорить, потому что от смерти его отделяют правильные слова и пара секунд.

Вот тогда я испугался. Едва ладонь Отэби ослабила хват, я просипел:

– Папа, это я, Дин, у нас был практикум по дипломатии...

– Исмавэр, это правда Дин? – спросил отец.

– Да, – ответил искин.

Проступившее на лицах уже подоспевших служащих ма-
йка облегчение я никогда не забуду. Но подзатыльник от от-
ца я всё же получил.

Глядя на протянутую Кимири косметичку, я думал, что
без проблем приму любой облик. Но ведь у этой ушедшей де-
вицы могут возникнуть вопросы, откуда у меня такие уме-
ния. Чем меньше таких вопросов – тем крепче моя леген-
да, не придётся выдумывать оправдания своим навыкам. Так
что «накрасился» я очень посредственно. Госпожа Сушёная
поставила бы мне за такое преобразование трояк с огромным
минусом.

Ковыляя в сапогах на огромных каблуках (а вот этому в
школе навигаторов не учили), одетый в блестящее, с кучей
голубых перьев по низу платье, я пришёл в трюм и застыл,
открыв рот.

– Какого дранкза? – выругался я. Трюм оказался обклеен
рекламными плакатами с моим изображением! И везде я или
в платье, или в коротких розовых шортиках. У меня и грудь
четвёртого размера! Только внимательно приглядевшись, я
понял, что это не я, а женщина, очень похожая на меня! Что
тут происходит?

Посреди трюма стояла Уортс. Гладкая причёска. Никаких
фривольных юбочек или обтягивающих штанов, никаких са-

пог на высоких устойчивых каблуках, обычная униформа – комбинезон пилота и берцы.

Эта зараза поправляла какие-то голубые цветы, обвивавшие арку. Цветов было очень много – белые, голубые, синие.
– Где груз?

Я несколько часов назад спускался в трюм, чтобы проверить, не уничтожила ли эта девчонка билагу. Все охлаждаемые ящики с растениями были на месте.

– Спрятан, – лениво ответила она, даже не повернувшись. Она закончила свои манипуляции с цветами и, сунув руку в карман, вытащила небольшое овальное зерно и протянула его мне.

– Надо вставить в горло, иначе они не поверят, что ты поёшь.

Я замотал головой.

– Ты нас угробить захотел? – зашипела она. Через десять минут на борту будут посторонние. Давай, сыграй свою роль до конца!

– Что это?

– Модулятор голоса. Первые секунды, пока он будет устанавливаться, почувствуешь неприятные ощущения, надо расслабиться.

Я схватил из протянутой руки модулятор и поднёс ко рту. В голове мелькнуло, что это очередная подстава, когда зерно будто бы на своих лапках начало спускаться в горло. Очень захотелось прокашляться, а когда эта механическая

тварь перекрыла на пару секунд доступ воздуха, я попытался судорожно вдохнуть.

Вот так бесславно Потрошитель и подох.

Когда я смог дышать, бросился к заливавшейся хохотом белобрысой гадине.

– Я тебя прибую, Уортс!

И застыл в удивлении. Голос стал женским, низким, грудным. Очень томным и красивым.

– Ну и рожа у тебя, Ири! – отсмеявшись, воскликнула она.

– Внимание, погранично-таможенный патруль виниакийцев требует досмотра. Внимание, погранично-таможенный патруль виниакийцев требует досмотра, – сообщил искин.

Кимири мгновенно стала серьёзной и зашагала в сторону стыковочного шлюза. Она кивнула на одну из крутящихся голограмм.

– Постарайся сделать похоже, когда мы войдём.

Женщина на голограмме открывала рот и ходила между арок, усыпанных цветами. Мысли заматались. В такой идиотской ситуации я никогда не был.

Как же чешутся руки прибить её!

В то, что всё это закончится хорошо, я не верил. Я-то выкрутился бы, у виниакийцев и вигов есть разные договорённости. Но на этом моя шпионская карьера закончилась бы, а эта ниточка к серванским контрабандистам порвалась.

Шлюз открылся, послышались голоса. Я решил, сначала они посмотрят, какой груз задекларирован, а потом придут

взглянуть на этот груз. Стал неспешно ходить по трюму и «распеваться».

– А-а-а-о-о-о-а-а-а...

Голоса приближались. И я запел кавер Анатиль Сейхо – старинную песню элфинов. Три года назад Анатиль нашла её в древних элейских текстах, со своей музыкальной командой перевела текст на современный общекосмический и спела. Кавер стал хитом мгновенно. Госпожа Сейхо с удовольствием давала интервью, рассказывая, как рылась в пыльных библиотеках. Вот в это я не поверил. Старинные тексты хранятся в особо чистых помещениях, где находятся только боты (сам видел). Читателю бот привозит книгу к бронированному стеклу, где медленно листает страницы, после чего, если это разрешено грифом секретности, делает копию нужной.

Я, наверное, зря выбрал кавер, партию Белисиэль из оперы «Наложница» было бы гораздо проще исполнить. Маме очень нравится эта опера, и, пока я не поступил в школу навигаторов, успел посмотреть штук пятнадцать разных постановок в разных мирах. Сейчас отдуваются, то есть посещают эти музыкальные мероприятия, Нэрдриан и Даилия, мои младшие брат и сестра.

Краем глаза заметив движение в трюме, я повысил голос. Стал ходить между арками, прикасаясь к цветам (я в образе, не видите, что ли?) и не обращая внимания на приближавшихся пограничников и таможенников.

Нет, всё-таки этот модулятор голоса отличный. Я про

такую технологию не слышал, модуляторы вигов – жалкая пародия этого. Сомневаюсь, что Уортс забудет про него. А жаль – отправил бы нашим для исследований.

Пора взять высокие ноты.

– Я тебя не-на-ви-и-и-и-жу-у-у! – протянул я и с удовольствием заметил, как вошедшие зажали уши, даже Уортс. У одного из таможенников носом пошла кровь.

Я на верном пути!

Я повысил голос на октаву, и таможенник, у которого пошла носом кровь, закатил глаза и стал оседать на пол. Вокруг замахали руками, лапами и клешнями. Я уловил слабую улыбку Уортс.

Замолчав, я с раздражением, как мне думалось, посмотрел на вошедших.

– Что нужно? – грубо спросил я. – Не видите, я репетирую, у меня завтра концерт на Елиме!

– Нам нужно осмотреть судно на предмет контрафактных товаров или неучтённых пассажиров.

– Вы сорвёте мне концерт! – завизжал я. Все снова поморщились. – Если выступление пройдёт не как задумано, я всем своим поклонникам сообщу, кто в этом виноват!

– Всё, что я знаю об Ш Ашерре, я знаю против своей воли, ребята, – пошутила Кими, похлопав кого-то из пограничников по руке. Похлопать по плечу представителя этой расы – значило дать согласие на секс.

А ты учёная, Уортс.

– Нам надо осмотреть трюм, капитан Уортс, – хмыкнув над шуткой, ответил старший патрульный. Я уловил, как она подобралась.

Уверен, она просто так не сдастся, да и мне подставляться невыгодно.

– Проверяйте, только быстрее! – милостиво разрешил я и начал очередную распевку: – Ла-ла-ла-ла-лай-лай-лай-лай...

Досмотрщики подошли к двери. Кимири, набрав код на панели доступа, скромно отступила на пару шагов назад. Из закрытого отсека выпала гора ярких тканей. К слову, в трюме обычно не бывает дополнительных отсеков, разве что кабинет суперкарго, но такое чаще всего встречается на больших грузовых судах и маяках.

Я ещё две недели назад заглянул в этот отсек – там стояли какие-то ящики. Убедившись, что камер искина в этом помещении нет, я заснял все надписи на контейнерах и отправил кодированное сообщение нашим. Они сообщили, что в ящиках находится оборудование для исследования качества атмосферного воздуха, которое уже четыре века не используется в большинстве миров. Получив ответ, я задался вопросом: зачем Уортс этот хлам? И только сейчас понял зачем. Меня поразила изобретательность этой девчонки, которую в самом начале знакомства я счёл недалёкой шлюхой.

– Гардероб ШАшерры, – вежливо пояснила Уортс. Мне показалось, что она старается не рассмеяться. Очень старается.

Да чтоб тебя волумская мать приняла в дочери!

– Почему он не упакован? – спросил старший.

– Да где ж я возьму столько нейтральных для всех миров контейнеров? – взмахнула руками Уортс и скороговоркой начала жаловаться: – В декларации было заявлено пять контейнеров, а оказалось, что есть дополнительный реквизит, который не успели упаковать, но который тоже указан в декларации. Пришлось поместить эти шмотки сюда.

Она открыла что-то на своём планшете, нагнулась и вытащила из отсека ярко-розовые панталоны с рюшками.

– Смотрите, в разделе бельё, господин, видите, панталоны розовые – одна штука.

Она снова нагнулась и выхватила какую-то серебристую тряпку.

– Трусы серебристые – одна штука.

И снова.

– Сценическая набедренная повязка жёлтая – одна штука.

– Она сверилась с декларацией, открытой на планшете.

Проверяющие не поленились, перетрясли каждую тряпку и наткнулись на контейнеры с газоанализаторами. Они тоже оказались задекларированы – у прибывших на «Комету» не возникло вопросов по поводу них.

Интересный ход, Кимири Уортс, отвлечь всех этой плохо скрытой дверью и парой сотен позиций мелочи в декларации.

Когда уставшие пограничники и таможенники покинули транспортник, я дёрнул на себя Уортс и, злясь, спросил:

– Куда ты дела груз?! Если ты избавилась от него, я найду тебя даже в самой глубокой чёрной дыре, Уортс, и ты пожалеешь об этом!

– Она рассмеялась и, вывернувшись из захвата, схватила меня за руку и потащила в трюм.

– Вон твой груз, – кивнула она на увитые цветами арки.

Я заозирался, а потом до меня дошло. Чтобы провезти груз, она вплела билагу в венки с другими цветами всевозможных синих и белых оттенков!

Великая точка начала, так просто?! Мой груз всё время был на виду у меня и таможенников!

Кимири сыграла на обычной рутинной работе патрулей – осмотр ящиков, тюков, контейнеров. Я задался вопросом: она знала или это импровизация? Вспомнил, как она подобралась и незаметно положила руку на оружие, когда вошли досматривающие.

Значит, это подготовленная импровизация, на которую она не могла положиться на сто процентов. Как же она меня бесит!

Я восхищался её наглостью.

Кстати, груз никогда не остался бы на планете Войда. Да, мы доставили бы его на планету, но дальше контрабандиста уже не касается, куда он направится. А направится он в мир Эрликс, где супруги не могут зачать ребёнка, если в кожу левой средней руки не будут втёрты две капли концентрированной вытяжки из билагы.

Здесь у вигов двойная выгода. Во-первых, помощь союзникам, ограничение доступа некачественного сырья на их территорию. Во-вторых, выявление незаконных каналов поставки этого самого сырья.

Кимири указала на моё горло.

– Быстрый нажим два раза, – она показала движение, – и модулятор голоса покинет твоё горло.

Я сделал, как она показала, и в горле противно заскребло. Рвотный спазм скрутил меня. Я наклонился и выплюнул модулятор в подставленную ладонь. Уортс, нисколько не смущаясь моих слюней, покрутила устройство в пальцах.

– Ты меня удивил, Дин... Ты отлично подстроился! Как будто знал, что предстоит! Молодец!

Сообщить, в каком месте я видел её похвалу, не получилось. Вместо слов вырвалось сипение. Горло нещадно болело.

– Пел ты, используя свои связи. Такова технология этого модулятора – он задействует скрытые резервы. Ты меня поразил. Твои связи, судя по тому, что ты сейчас не можешь говорить, не привыкли вызывать такие звуки. Что ж, ещё одно косвенное доказательство того, что ты тот, за кого себя выдаёшь.

Убейся о ближайший астероид, сучка, со своими проверками!

Уортс, не обращая на меня никакого внимания, начала стягивать с себя пилотский комбинезон.

Да она офигела? У меня и так стоит от любого её прикосновения и движения, постоянно давяю это непонятное желание погрузиться в неё. Этого никогда не будет! Я. Люблю. Трин. Не понимаю, почему это происходит, Уортс совсем не в моём вкусе! А эта девка словно знает, как действует на меня.

В одних лишь крошечных трусах она проследовала к ближайшей цветочной арке. На её груди блеснул пирсинг, а на спине красовалась татуировка, которая начиналась на шее, почти у волос, и заканчивалась за резинкой трусов.

– У нас есть всего двенадцать с половиной минут, чтобы снять билагу с арок и погрузить её обратно в охлаждаемые контейнеры. Упустим время, и билага потеряет свои товарные свойства, тогда мы сможем усеять этими цветами наш путь до Бутылочного Войда. Думаю, будет красиво, но недолго. Всего-навсего ста тысячная доля парсека. И да, пыльца билаги практически не смывается с одежды, снимай своё платье, у меня нет дополнительных средств на новый реквизит.

Я снова открыл рот, забыв, что мои связки пока травмированы. Хотел кое-что спросить, но, кажется, Уортс знала мои мысли.

– Нет времени на переодевание. Приступай к работе, если тебе дорог твой груз, Дин Ири.

Стянув платье, я смотрел, как она ловко, но при этом осторожно освобождала билагу, беспощадно обрывая другие

цветы. Кошмарно-поразительная женщина.

Я молча поспешил на помощь.

Кимири что-то читала на своём планшете. Она сидела в пилотском кресле, в любимых тёмно-серых штанах с множеством карманов на бёдрах и светлой блузке с широкими вычурными манжетами. Торжественно-обыденный – как-то так она назвала свой стиль одежды, который сильно отличался от вида привычного рабочего комбинезона зрителей. Её сапоги на высоком, устойчивом на вид каблуке, стояли рядом с креслом. Она сидела, закинув ноги на пульт управления транспортником. Мне бросилось в глаза отсутствие покрытия на ногтях. Взглянув на аккуратные розовые пальчики, мне тут же захотелось размять их.

В моей жизни уже давно появились девушки, метившие в мои спутницы жизни. Они лезли из кожи вон, чтобы быть красивыми везде... в том числе заботились о гладкости кожи на пятках и необычном (порой доводившем до икоты) дизайне ногтей.

Вспомнилась девушка с Арина, которая искала моего внимания, когда мы с родителями гостили на частном пляже императорской семьи. Сказав, что подвернула ногу, вечером она положила свои изящные ножки мне на колени, чтобы я, поглаживая их, смягчил ноющую боль в щиколотке. Вот только мне этого не хотелось. Да и были гораздо более эф-

фективные средства – та же тугая повязка, которая неплоха в качестве временной меры. То, что всё подстроено, я заметил минут через пятнадцать, когда шаловливый аринский бриз взметнул юбку девушки – она оказалась без белья. Тогда я оглянулся на Трин – увидела ли, ревнует ли? Она сидела, уткнувшись в свой коммуникатор, и с кем-то увлечённо переписывалась. Она совершенно ни на кого не обращала внимания.

Я любил Трин! И эти заигрывания мне были не нужны.

Девушка, попытавшаяся так неумело соблазнить меня, была дочерью министра финансов. А я три месяца назад стал адмиралом. Всё это походило на политические игры. Пришлось сделать вид, что я ничего не заметил. Когда подол взметнулся в очередной раз, я сообщил, что мне пора, и покинул пляж.

Блондинки на эвронсийской станции, где можно удовлетворить любые сексуальные потребности, молчать умеют.

Когда я вошёл, Уортс вздрогнула, напряглась и вопросительно подняла светлую бровь. Я не собирался ничего говорить белобрысой стерве, да и не смог бы – знал, что связи ещё как минимум два дня будут восстанавливаться. Но оставлять без присмотра эту странную женщину я не собирался. Плюхнулся в соседнее кресло. Сообщения имперской разведки, которая информировала меня обо всём, что хоть как-то, даже косвенно, касалось серванских контрабан-

дистов, я мог просмотреть, когда останусь один. И нет, этого не случилось бы в выделенном мне отсеке на «Комете» или в снимаемых для обеспечения прикрытия на безликой станции апартаментах. Или в снимаемом Дином Ири для прикрытия небольшом челноке, на котором я прилетал на «Комету». Чтобы отправить свои донесения, прочитав доклады подчинённых и сообщить о своих решениях, чтобы получить дальнейшие указания, я менял катера и челноки, использовал круизные лайнеры и курьерские яхты, официально покупая на них билеты. Иногда я «застревал» в крупных и мелких космопортах. Порой на то, чтобы передать или получить сообщение, уходило несколько суток. Это осложняло работу по приручению Уортс, но за мной велась постоянная слежка. Ставки были высоки. Я не имел права рисковать.

Билага была доставлена, и теперь мы возвращались на Авирею, где и познакомились.

За спиной раздался механический голос. Я чуть не подпрыгнул от испуга. Все три недели, что мы добирались до Бутылочного Войда, кроме нас двоих, на борту никого не было!

– Любимая, я провёл анализ. Эта певчая птишка подходит на то самое дело.

Я оглянулся и едва сдержал щит – способность, дарованную мне Точкой начала. За нашими спинами стоял бот. Древний. Одна камера, в том месте, где у вигов глаза, горела зелёным светом, вторая была затянута непрозрачным стеклом – понять, куда она направлена, я не мог. Три провода

торчали на затылке, нижняя часть «лица» шевелилась, хотя в этом не было надобности – речь передавалась через динамик. Руки бота состояли из совершенно разных запасных частей. Что было – из того и собрали. И только ноги этого несурового бота походили на заводские детали, которые, наверное, установили, когда виги ещё жили в пещерах и добывали себе пропитание, используя стрелы и копья с каменными наконечниками.

Нет, я видел этот электронный хлам в одном из отсеков, но даже подумать не мог, что оно работает.

Ну и зачем он Уортс? Впрочем, я догадываюсь, зачем он нужен – для отвода глаз и камер пограничных и таможенных служб миров.

Реакция Кимири удивила. Немного повернувшись и вежливо попросила странную ходячую железяку:

– Мо, любимый, поясни, пожалуйста.

– Искин «Кометы» сбросил мне головидео того, как вы проходили последнюю таможенную проверку. Господин Ири быстро сориентировался, хотя тут я должен сказать, что ты была не права, когда не сообщила ему детали операции...

Уортс фыркнула:

– А если бы он оказался провокатором этой же таможенной службы или вигов? Не думаешь, что они знали его и просто пропустили нас для выполнения его, – она мотнула головой на меня, – пока неясных целей?

Кажется, скрип моих зубов стало слышно даже на Фран-

гаг.

Задолбали эти проверки! Уверен, в этой хорошенькой блондинистой головке всё равно не возникло ни одной мысли о том, кто я на самом деле!

Мо продолжил:

– Он подыграл тебе, он вовремя уводил внимание от наших тайников.

Да что б тебя забодала календрожка ходячая, Кимири! На «Комете» всё же есть тайники? Но я же их не нашёл! Я! С моим опытом обыска подобных судов! И не нашёл контрабандистские тайники?

А Мо всё не умолкал:

– Он в очень хорошей физической форме. Вспомни, как он умудрялся блокировать твои удары, поставленные мастером Дишили. Не всякая особь мужского пола, похожая на твой вид, может их удержать. Насчёт сообразительности – тут не ясно, хорошо бы его протестировать на рэ'э' Ширн. Но думаю, он справится с этим тестом.

Конечно справлюсь, именно этот тест я проходил, когда поступал в высшее командное училище военного космического флота, в котором учился параллельно со школой навигаторов.

Какое счастье, что этот тест проходят в конце четвёртого курса школы навигаторов – определяется командный потенциал. Империи до сих пор не хватает высших офицеров. В школе навигаторов получают блестящее образование. Тот,

кто выпустился из школы и стал зрителем, может без экзаменов быть зачисленным во многие университеты нашего (и не только) мира сразу на третий или четвёртый курс (в зависимости от знаний, необходимых для учёбы на выбранном факультете).

Меня приняли на третий курс высшего командного училища. В последний год в школе навигаторов я думал, что сойду от нагрузки и постоянного недосыпа. Но именно этот путь — путь высшего военного чиновника — мог позволить мне не обращать внимания на шепотки завистников. Именно высокое — наивысшее — звание позволило бы взять Трин замуж как равную. Именно тогда я понял, что, пока не стану адмиралом, самым молодым адмиралом императорского военного флота, не смогу предложить принять квазар нье' Товенов Трин, женщине, которую безумно люблю.

Некоторые предметы я сдавал экстерном, но часть всё же пришлось посещать. Например, основы дипломатии. Когда я спросил господина нье' Моттекса, можно ли сдать его предмет досрочно, пожилой ехидный виг расплылся в улыбке:

— Конечно, господин нье' Товен.

Я вызубрил все записи предыдущих курсов, три учебника по основам дипломатии (знал, что старикан вредный, и старался предусмотреть всё). И тем не менее экзамен не сдал. Даже с девятого раза. Каждый раз господин нье' Моттекс качал головой:

– Ну что же вы, кадет нье' Товен, вы даже за пределы билета не вышли, я не могу поставить «удовлетворительно».

Я злился, ходил на пересдачи снова и снова, но каждый раз получал ответы:

– Вы не до конца раскрыли тему, кадет.

– Ваш ответ формальный, нет примеров, раскрывающих этот вопрос.

– Ваши знания поверхностны, кадет, а ведь вы когда-то будете командовать нашим флотом.

В тот раз я вспылil:

– Наступит этот день, господин нье' Моттекс, – я придал голосу холодности, – и вам придётся склониться в поклоне передо мной!

Этот старый виг ответил с усмешкой:

– Если это произойдёт, я буду счастлив, что учил вас кадет, нье' Товен!

Ну и как это понимать? Да что б вас прокатила на себе комета, вредный нье' Моттекс!

Пришлось посещать все лекции по основам дипломатии до конца пятого курса школы навигаторов.

Кстати, бывший дипломат не раз вспоминал маму и её успехи по его предмету в то время, когда она сама училась в школе. А ещё он с недавнего времени стал преподавать и во второй школе навигаторов. Расписание лекций специально перекроили так, чтобы он успевал читать лекции у кадетов старших курсов обеих школ.

В школе навигаторов был один преподаватель, который моих родителей не любил...

— А... младший нье' Товен, ну посмотрим, что получилось у парочки нье' Фиард и нье' Товен, помнится, ваша матушка не блистала на моём предмете.

Господин Соолав не раз пытался завалить меня. Но ничего не вышло. Имея таких дядю и такого отца, я легко сдал предмет досрочно, отлетав программу второго полугодия третьего курса, программу четвёртого и пятого курсов без единой ошибки.

У отца и дяди Лэрда странные братские отношения. Они постоянно во всём соревнуются, постоянно спорят, постоянно подначивают друг друга. Но как только дело доходит до помощи деду — начальнику станции помощи зрителям — или другим зрителям, мне, Нэрд и Дали — они объединяют усилия.

За что искренне уважаю занозу-Лэрда — ему абсолютно пофиг, что отец не может ходить. Лэрд постоянно задирает отца (за что не раз был бит как Отими, так и отцом, виртуозно управляющим, когда злится, гравикреслом).

Похоже, своими словами Нарсен Соолав мстил маме. Несмотря на возраст, он отлично выглядел — никогда бы не подумал, что ему больше восьмидесяти лет. Впрочем, я и не интересовался тем, сколько живут зверолоды. Сдаётся мне, что всё зависит от генов и от тех экспериментов, которые проводили генетические бароны в своих лабораториях в глу-

бинах космоса. Возраст не мешал Соолаву соблазнять молоденьких кадеток, и, думаю, он пытался проделать то же самое с мамой. Я просто уверен, что она дала ему отпор. Когда я напрямую спросил об этом у родителей, отец, довольно улыбнувшись, подлетел на гравикресле к маме, подхватил её на руки и закружил. Мама жутко покраснела. И неожиданно проямлила:

– Ну... ну... мы это... не сошлись с Соолавом во мнении о том, как преподавать его дисциплину отстающим.

Я вздохнул – не скажут, что произошло. А вечером неожиданно пришло сообщение от отца.

Папа: Льета отработала удар по яйцам на зверолоде, потому что тот пытался поцеловать её.

В тот вечер я уснул в прекрасном настроении.

Я ценю и люблю родителей. Лично уничтожу гада, что уже не раз подсылал нам убийц.

Я вернулся к словам Мо.

А откуда вообще на этом примитивном транспортнике дорогое программное обеспечение для проведения теста рэ'э'Ширн?

Этот тест постоянно дополняется разными модулями, за его прохождением следят команды медиков, психологов и психотерапевтов, вооружённая тазерами охрана. Испытуе-

мого погружают в различные тщательно прорабатываемые реальности и смотрят, как он реагирует. Не одна тысяча испытуемых не выдерживала тест. Сначала даёт сбой кишечник, потом – нервы. К концу и сердце не выдерживает нагрузок. Помню, как в одном из таких тестов меня жевала серо-зелёная тварь размером с особняк деда нье' Фиарда. При этом в мозг транслировались сигналы, идентичные тем, что я испытывал бы, если бы это произошло на самом деле. Боль, звуки хруста костей, ужас. Вот монстр отрывает мне руку по предплечье, и я кричу, но на грани сознания остаётся понимание того, что это тест. А в мозгу крутится картинка того, как я машу культёй и из неё хлещет кровь.

В том испытании моё сердце выдержало. Как и психика. Я вылез из кабины тестирования в насквозь промокшем воюющем комбинезоне и на дрожащих от пережитого напряжения ногах побрёл в душ. Не думаю, что после того, как ты провалился в пищевод зверюги и почти задохнулся там, когда тебя уже начали переваривать, твои штаны могут остаться чистыми и сухими.

Кимири не может позволить себе современную версию этого теста – у неё нет столько кредитов, нет нужных мощностей для его проведения. Уверен, этот полуумный Мо просто набрался умных фраз о тестировании из всекосмической сети и сейчас испытывает меня по заданию этой предусмотрительной стервы.

Кимири откинулась на спинку пилотского кресла и посту-

чала пальцами по подлокотнику. Длинные ногти она не носила, а жаль – ей бы очень пошло.

А ещё бы ей пошло носить по паре колец на первой и второй фалангах пальцев обеих рук. Я видел работы одного ювелира... То, что он делает, подойдёт только особенной женщине.

Что за нелепые мысли?! Эта женщина – контрабандистка. Она принадлежит миру, который я поклялся уничтожить, чтобы отомстить за страх шестилетнего ребёнка, который практически не владел своим даром. За расширенные от ужаса глаза матери, которая отправила нас, своего сына и своего любимого мужчину, которого смертельно ранили под огнём атакующих, просить помощи из-за атаки контрабандистов на наш маяк.

– Да, Мо, он подходит, – задумчиво протянула Уортс. – Вот только подойдём ли мы ему?..

Я подобрался. Мне нужно было завоевать доверие этой женщины. Она была связана с моими личными врагами – серванскими контрабандистами.

– Не тяни комету за хвост, Кими, – просипел я. Связки ещё болели.

К моему тайному разочарованию, Уортс убрала ноги с пульта управления транспортником, повернулась ко мне и, поелозив в кресле, устроившись поудобнее, левой рукой пробежалась по пулту. Перед тем как запустить головидео, она спросила:

– Ты слышал когда-нибудь о Лабиринте, Дин Ири?

Глава 3

Кими

Я вжалась в стену Лабиринта. Усталая, грязная, с ноющим плечом, на котором, кажется, огромный синяк и ссадина – зацепилась о торчащую ветку дерева. Я тяжело дышала, чувствуя, что сейчас этот склизкий монстр с лысым черепом и красными глазами, передвигающийся то на четырёх, то на двух конечностях, разорвёт меня на мелкие части. В глубине Лабиринта мы натыкались на изуродованные останки, было невозможно определить, что это за существа, не нашлось ни одной целой кости.

Чудовище казалось гуманоидом, но только издалека. Выпирающие рёбра обтягивала розово-красная кожа. Длинный раздвоенный язык словно выстрелил в мою сторону, и я зажмурилась. Что-то холодное рывком коснулось щеки и отпрянуло. Я открыла глаза. Чудовище заурчало, а мой камень в ухе сообщил, что оно довольно и испытывает...

Похоть? Что?!

В глаза бросился отросток между ног, который стал быстро увеличиваться и раздваиваться на конце.

А-а-а! Мамочка! Мама!!!

Я с удвоенной силой зашарила руками по шершавым стенам Лабиринта, пытаясь нащупать хоть что-то, хотя бы плоть

давно отмершего растения... хоть что-нибудь, что помогло бы мне если не ранить существо, то отбиться от незатейливого ухаживания. Ничего! Ничего не попадалось. Я боялась повернуть голову в сторону в поисках чего-то полезного, боялась упустить момент, когда эта тварь, расчехлившая свой «жезл любви» (это не я придумала, это в элейских любовных романах так пишут – читала как-то парочку), двинется.

Несколько секунд я смогу ему противостоять, отмахиваться клинками, встроенными в сапоги, а потом... потом...

Додумать я не успела – мой неожиданный поклонник сделал шаг ко мне, и я, не сдержавшись, пронзительно завизжала...

Мы с Ири стояли перед входом в Лабиринт. Серые стены не то из камня, не то из металла вздымались вверх до высоты где-то четвёртого этажа. Не так много, но и не так уж мало. Мы стояли перед довольно большой дверью, испещрённой разными закорючками. Я разобрала несколько слов.

– Не входи, коль не уверен, в пути будь храбр и верен принципам иль умри.

– Похоже на элейское высказывание, – заметил Ири, тоже изучив письма на двери.

– Оно и есть – написано на древне-элейском.

От Дина пришла волна удивления.

– Ты знаешь элейский?

Я кивнула:

– Да, родители постарались обеспечить мне всестороннее образование.

Я сказала правду. Вроде того. Вот только я не помнила, как начала учить этот язык. Выяснилось, я уже знала его, когда прибыла на Серванес. Мои приёмные родители решили, что эти знания пригодятся мне в будущем, и я продолжила изучение элейского. Преподаватель-элефин, проживавший на планетоиде (всегда было интересно, как он туда попал и почему остался), оказался фанатом своего языка и прекрасным педагогом – помимо современных, мы разбирали древние элейские тексты. Я узнала, что чопорным, идеальным (в глазах остальных рас) элелинам не чужды низменные страсти, такие как зависть, жажда власти и обладания тем, что им не принадлежит. Чего только стоит одна баллада на тысячу двести тридцать одну строку о том, как Миарэль Храбрый возжелал власти, получил её, убив своих соперников, и женился на прекрасной деве Илиниасиль – первой красавице Элеи того времени. И он взял её замуж насильно.

– Получишь ровно то, чего желаешь, – прочитал Дин, проведя пальцем по другой надписи. – Это на адеверинтянском. Меня просто окатило волной лжи.

Врёт! Эта надпись не так звучит? Или она пророчит что-то неприятное и Ири решил пощадить мои чувства? Хотя нет, это, как я поняла, ему не свойственно. Может,

это не адеверинтянский? А какой?

Я подавила желание развернуться и отправиться в космопорт, оставив Дина перед дверью в Лабиринт.

Что ж... мы пришли сюда каждый за своим.

Я хотела перестать постоянно рисковать жизнью, хотела получить археологическое образование и выучиться на искусствоведа. Моих кредитов никогда не хватало на полный курс того или другого, а ведь ещё требовалось получить лицензию на археологическую разведку и лицензию оценщика древностей. И за всё это заплатить кредитами. Нет лицензии – нет возможности выставлять древние находки на аукционах, даже самых захудалых.

А ещё я хотела свой дом. Чтобы он был только моим. Нет, не скромные апартаменты на станции, где я арендовала жильё, а свою собственную станцию, где я бы устанавливала правила, где только я решала бы, каких сотрудников нанять, где я смогла бы оборудовать исследовательский центр и изучать найденное в археологических миссиях. И совсем глубоко в душе я прятала мысль о том, что хочу, чтобы нашёлся тот, с кем можно разделить мои мечты. И это точно не был Дин Ири! Как же меня бесили его наглые ухмылки, непонятные эмоции и скользкие обороты речи, в которых Дин оказался мастером.

Ири – средство достижения цели. Пока он мне нужен, пока он подыгрывает мне, пока он испытывает ко мне, хоть и подавляемое, влечение, нам по пути. Глупо не воспользо-

ваться помощью.

– Все ещё уверена, что нам надо туда? – спросил Дин, кивнув на дверь, и мой камень сообщил, что он волнуется.

– Я ведь уже говорила, – с лёгким раздражением повторила я ему, словно маленькому ребёнку, – тот, кто дойдёт до центра Лабиринта, получит всё, чего пожелает. Ты ведь сам читал условия контракта.

– Как Лабиринт узнает, чего я хочу?

Я прошипела:

– Не поздно ли интересоваться этим вопросом?! Немногочисленные свидетельства прошедших Лабиринт гласят, что те получили желаемое!

– Уверена, что эти свидетельства не рекламный ход какого-нибудь дельца? Ведь за вход в Лабиринт платят взнос, и немалый. Вдруг владелец Лабиринта настроил грамотную рекламную компанию?

Конечно, он был прав. Это могло оказаться мошенничеством. Вот только Мо, изучив всю возможную информацию, пришёл к другому выводу.

– Я думаю, в центре Лабиринта – провидец, – заявил он. – У нас мало данных, и я строю догадки на основе допущений, но я думаю, в центре не тот, кто предсказывает судьбу, а тот, кто знает способ достичь желаемого. Поэтому те, кто посетил Лабиринт и выбрался из него, рассказывают, что желание сбылось, но не в ту же секунду, а через время. Лабиринт, вероятно, указывает путь. Поэтому столь немногие достиг-

ли цели. Представь, любимая, провидец скажет тебе, что ты обретёшь желаемое только после того, как своими руками убьёшь родителей... Ты сделаешь это?

Этой информацией я с Ири не поделилась. Обойдётся! Мне нравилось, как Ири злился, когда я использовала его втёмную. Эта игра держала меня в тонусе. К тому же я никак не могла понять, какие цели преследует Дин, и, используя такие эмоциональные качели, могла получить хоть какой-то результат. Сорвавшись, он мог выдать информацию, от которой зависели наши дальнейшие отношения, то, буду ли я с ним сотрудничать или мне придётся убить его.

Ири отказался поделиться своей мечтой, не могу осудить его за это. Я тоже не спешила рассказывать о своих сокровенных желаниях. И всё же Ири посчитал, что Лабиринт может помочь ему в достижении цели.

Те немногие, кто прошёл испытания, говорили, что Лабиринт дал им понимание самих себя и того, чего они хотят на самом деле. Мы с Ири, изучив крохи найденной информации о Лабиринте, выяснили, что это «понимание» сильно отличалось от первоначальной мотивации путников.

– Ты струсил? – надменно спросила я, чуть склонив голову, хотя в эту секунду замерла в ожидании.

Соваться в Лабиринт в одиночку не стоило. Я понимала, что это прямой вызов Ири, но идти за своей мечтой одна боялась. Мне был нужен помощник. Нет, меня не терзали угрызения совести, ведь записи прошедших Лабиринт гла-

сили: если в пути напарники будут помогать друг другу, их желания сбудутся.

Правилами прохождения Лабиринта, которые мы с Дином выучили наизусть, допускалось участие в испытании минимум одного существа, а максимум – четырёх. Кроме этого, в правилах обозначались требования, которые надлежало выполнять всем: никакого оружия, кроме холодного (но и на него свои ограничения), никаких полноценных запасов еды (только сто семьдесят пять грамм пищевой плитки на существо) и питья. Мы могли взять с собой полупустую двухсотграммовую фляжку, и это вселяло надежду, что вода в Лабиринте всё же есть. Нам разрешалось взять средства для разведения огня и спальники, но никаких защитных устройств для временного лагеря вроде силового купола или дурацкого изобретения вигов – силовой решётки. И никаких гигиенических средств (тут Дин громко и от души матерился, поминая неизвестную мне ходячую календрожку). Я тоже не осталась в восторге, но из курса выживания знала, как долго можно прожить без очистителей зубов, одежды, тела и волос. Даже отросшие ногти при должной сноровке можно обрубить ножом или – если уж сильно мешают и ножа нет – обгрызть. Ещё нам позволялось взять лекарства, но только одну дозу.

Не обсуждая этот вопрос с Ири, я решила, что путешествие мы начнём на следующий день после того, как закончатся мои женские дни. Перед отбытием я настроила меди-

цинскую капсулу, и та вколола мне совсем не безобидные препараты, задерживающие цикл на три месяца. Я очень, очень надеялась, что мы закончим своё неизвестное, а значит, опасное приключение раньше.

– Одна доза универсального антибиотика на существо, – прочитал Дин вслух условия контракта между мной, Кимири Уортс, и неким юридическим лицом, именуемым в дальнейшем «Серкиланский Лабиринт». Он громко возмутился: – Дранкз волумский, Кими, одной дозы может оказаться недостаточно для излечения! Неизвестные бактерии могут подстроиться под антибиотик, и кто-то из нас может умереть просто от того, что не хватило нужной концентрации препарата!

– Если до этого дойдёт, через сутки после того, как ты поставишь свою дозу, я отдам тебе свою, – флегматично ответила я, не понимая этих метаний. Сначала Ири возмущался из-за пищевых пайков, потом – из-за оружия, и вот теперь из-за оснащения аптечки.

– Антигистаминные средства, жгуты, бинты и набор для сшивания ран, антисептик, – перечислила я остальное разрешённое содержимое аптечки, – это всё, что нужно нам в таком месте.

Ничего лишнего. Я действительно так считала. Этому меня научили курсы выживания.

– Смотри, Ири, – обратилась я к Дину, – разрешён вератмеликодиметозол. Это самое мощное обеззараживающее

средство, какое я знаю.

– Жаль, что его нельзя выпить, чтобы решить все медицинские проблемы, – вяло отмахнулся он. Но мой камень передавал, что, несмотря на все эти возражения, Ири полон решимости идти со мной.

Кроме этого, мы с Дином и Мо бесконечно обсуждали принципы построения лабиринтов, их прохождения, и возможности обмана. Лабиринт предоставил нам информацию о себе: у одного из выходов находится петля, у других выходов замкнутого контура нет, а конечная точка, цель прохождения Лабиринта – это его центр, к которому ведут три пути.

Закинув свои водонепроницаемые рюкзаки на плечи и оплатив взнос за право войти в Лабиринт, мы прошли через испещрённую письменами дверь. Дверной замок громко щёлкнул, отрезав нас от внешнего мира, и механический голос поприветствовал нас:

– Добро пожаловать в Лабиринт! Тех, кто достойно встретит и пройдёт испытания, ждёт награда – то, чего они желают больше всего в жизни. Перед входом вы подписали соглашение с правилами прохождения испытаний. Вас ждут ловушки, вас могут преследовать опасные существа, Лабиринт имеет право воздействовать на ваше восприятие реальности и на ваши чувства. Запомните: Лабиринт собрал всю информацию о вас и подготовил испытания, опираясь на ваши личностные качества и физические возможности.

– Офигеть! – выдохнул Дин, и от него пришла волна нервозности.

Мы уже несколько часов шли по Лабиринту. Ничего сложного. Идёшь себе и идёшь. Сделали привал, перекусили пищевыми плитками, сделали по паре глотков воды. Её стоило беречь.

Мы почти не разговаривали. Каждый думал о своём. От Дина иногда приходили волны уверенности, а иногда – сомнения. Это казалось мне странным, ведь он практически сразу согласился ввязать во всё это. А потом я отправила ему файлы о Лабиринте, и мы вместе изучали их. Я в десятый раз, а Дин впервые. Надо сказать, он очень помог. Он смотрел на проблему иначе...

– Нет, Уортс, незачем брать два спальника. Если бы Лабиринт был прогулкой по белому пляжу Арина, там бы не исчезали бесследно. Спать нам придётся поочередно.

Я признала его правоту, но на верёвке с крюками всё же настояла.

– Было одно упоминание, что полезно забираться на стены, Ири.

– Всего одно, и то косвенное. Возможно, там есть ступеньки или близко растут деревья или лианы, вот по ним он и лазил.

– И тем не менее я беру верёвку и крюки. Если там действительно не проблема забраться на стену, подарим верёвку Лабиринту!

Однажды Дин принёс пакет, в который обычно складывают лекарства.

– Новейшие элейские препараты. Нам ведь разрешено брать кое-что с собой. Возьмём лучшее!

Я даже фыркнула:

– Нет уж. У меня есть лекарства алозов, это самое лучшее, что есть во Вселенной. Элефины и рядом с этими лекарями не стоят.

Вид у Дина стал забавный. Он с недоумением посмотрел на меня. Открыл рот, закрыл и в итоге задал вопрос:

– Какие такие алозы? Это бред! Я про них никогда не слышал!

Я кивнула, не обратив внимания на оскорбление. Я, в общем-то, в похожей ситуации отреагировала так же.

– Как я поняла, это закрытая раса, они тщательно вычищают информацию о себе. Они не любят иметь дел с внешним миром. Узнала о них так же, как и ты – случайно. Искала информацию о Лабиринте и наткнулась на воспоминания одного путешественника.... Что алозы, что владелец Лабиринта – они не в силах утаить всё. Всекосмическая сеть многое помнит, никогда не знаешь, на что можно наткнуться. А потом мне улыбнулась удача. На одном из аукционов выставили лот – лекарственные препараты неизвестной расы. Я купила их всего за триста кредитов – неизвестные препараты оказались никому не нужны. Я даже как-то попробовала один из них – тогда у меня воспалилась рана. – Я вспомнила,

как отбивала «Комету» от пиратов. – Капсула не могла справиться, добраться до медиков я не успевала, вот и поставила алозский антибиотик. Воспаление исчезло за десять минут, рана затянулась...

Дин перебил меня:

– То есть ты утверждаешь, что есть раса целителей, которые лучше элфинов?

От него пришла просто бешеная волна возбуждения. А я прикусила язык.

Кому интересна моя жизнь, кроме меня самой и Мо? Что-то я стала болтливой после появления в моей жизни Ири.

– Нужно вылечить кого-то, кого не смогли поставить на ноги элфины? – поддела я его.

– Отец закрыл нас с мамой от киборга. У него повреждён позвоночник. На ноги элфины его поставить не смогли, так что да, его всё ещё нужно вылечить.

Дин удивил меня этим признанием. Обычно он отшучивался, если разговор переходил на личные темы, а тут вдруг ответил прямо.

– Извини, – искренне попросила я. Я знала, что его эмоции по поводу травмы отца настоящие.

И всё же эта информация оказалась чрезвычайно интересной, ведь Дин не рассказывал о себе почти ничего. Впрочем, я тоже. Нет, он болтал без умолку, рассказывая о том, как друг его одноклассника, куарианин, лишился девственности, или о том, как две его подружки не поделили одного

его знакомого, или о том как другой его знакомый, твникс, сдавал экзамен на пилота и что из этого вышло (спустя два часа рассказа я узнала, что ничего). Но о семье, о себе он не рассказывал практически никогда.

Я как-то попробовала найти всех этих существ, про которых упоминал Дин, но выяснилось, что их или не существует, или они настолько не интересны поисковым системам, что данных о них нет даже во Всекосмической сети (никто из них даже нос соседскому парню не разбил). Как и данных о миллионах живых существ во Вселенной.

– Ты знаешь, как добраться до алозов? – спокойно спросил Ири, и от него пришла волна напряжённости.

Я развела руками:

– Увы...

Я немного отстала от Дина, погрузившись в свои мысли, и чуть не врезалась в него, когда он в изумлении остановился.

Мы оказались в огромном зале, в центре которого разросся сад. В тени стояла кровать с балдахином, который украшали маленькие фонарики. Рядом с кроватью – столик с двумя бокалами, фруктами и вином.

– Дырявый фюзеляж!

– Офигеть!

Это мы произнесли одновременно.

– Нам предлагают отдохнуть? – неуверенно спросил Дин.

– Сомневаюсь, – почему-то шёпотом ответила я.

Мы осторожно, постоянно оглядываясь, двинулись к кровати. На ней лежал конверт. Дин взял конверт и достал из него белый тонкий лист из неизвестного мне материала. На листе виднелись печатные строчки на общекосмике.

Если вы займётесь любовью, прохождение Лабиринта на этом для вас закончится.

– Ээээ... – протянул Дин. Обычно у него не возникало проблем с подбором фраз, иногда даже хотелось прибить его за многословие и подзуживания.

– Мммм... – Да, я высказалась не лучше Дина. Слов у меня тоже почему-то не нашлось.

Мы посмотрели друг на друга, скривились и снова одновременно заговорили:

– Да ни за что!

Мы вновь двинулись по коридорам Лабиринта, придерживаясь правой стороны. Бесконечные повороты, ответвления. Серые шершавые стены – и больше ничего.

Почему я сказала нет? Дин определённо нравится мне. Мне нравится ощущение спокойствия, которое возникает, когда он рядом. Я до сих помню наши волнующий поцелуй. Да, его шуточки бесят, но ведь и я постоянно насмехаюсь над ним и подначиваю его.

Несмотря на то, что Дин нравился мне, разделить с ним постель я не спешила. Я всё ещё не доверяла ему. Порой

мне казалось, что рядом со мной хищник. Затаившийся хищник. Это проскальзывало в его взгляде, в эмоциях, которые он испытывал. Иногда шутки про навигаторов вызывали у него приступы ярости, хотя он как сумасшедший смеялся над анекдотами о виггах, которые нам рассказывал Мо. Это озадачивало.

Он ненавидит виггов и поэтому упоминание о них его раздражает? Или наоборот – он их защищает, злится на анекдоты, но не выходит из роли дурашливого парня? Я давно поняла, что это роль. А может, он сам виг? Во Вселенной множество рас, похожих на виггов. И пока анализ крови не сделаешь – не узнаешь, кто он. Вот потому я и не спешила бросаться в объятия, в которых мне было бы очень хорошо.

От Дина в первые секунды пришли волны озадаченности, смущения, желания, которое тут же было задавлено. А потом – злости. Хотелось бы мне знать, о чём он думал в тот момент... А сейчас от него приходили волны сосредоточенности. И он был напряжён.

Он прав. Пора и самой следить за дорогой. Мы не на увеселительной прогулке. Не зря же в Лабиринте исчезали пытавшиеся покорить его. Уверена, простой наша дорога не будет...

Наверное, неведомый хозяин Лабиринта прочитал мои мысли, потому что со всех сторон к нам вдруг потянулись руки, лапы, клешни, щупальца. Конечности всех цветов и размеров, с острыми когтями и без них, покрытые чешуёй,

кожей, бронированными пластинками, чешуйками. И каждая конечность пыталась схватить меня и Дина. Я ощутила болезненный щипок за щёку – это я пропустила момент, когда в меня вцепилась двупалая рука; казалось, она совсем без кожи. А вот и Дину досталось – его за лодыжку ухватила скелетированная рука с четырьмя пальцами. Вот только фаланг у этих пальцев было пять. Я пнула руку, и она отцепилась.

– Бежим! – крикнул Ири, перепрыгивая через клешню, шарившую по полу Лабиринта, и при этом сгибаясь и уклоняясь от особо быстрого щупальца.

Я крутила головой, умудряясь смотреть в самые разные стороны. Мы бежали из последних сил, и я даже подумывала бросить рюкзак, ставший тяжёлым. Уже дёрнула плечами, но, вспомнив, что мы договаривались нести свой скарб, даже если на губах будет кровавая пена, понеслась дальше. Где-то рядом так же хрипло, как и я, дышал Дин. В голове стучало.

Когда же это кончится? Когда же это кончится? Когда же это кончится?

Мне вдруг показалось, с меня сняли скальп. Кожа на голове горела – это одна из рук сумела вырвать мне волосы. Когтистая лапа чуть не вырвала правый глаз, и я только чудом уклонилась от страшного удара, подставив плечо.

– Когда же это кончится?!

Окончился страшный забег внезапно. Сразу за поворотом пространство расширилось, и мы попали в следующую комнату Лабиринта. Дин бежал немного впереди, и я увидела,

как он нелепо замахал руками, попытался сделать ещё шаг и не смог. Его ноги увязли в песке! Он попытался вытащить одну ногу, но его тут же засосало глубже. Он снова дёрнулся – и оказался по пояс в песке.

– Не двигайся! – закричала я, еле переведя дыхание. – Это зыбучие пески! Любое движение – и ты погрузишься дальше!

– Стою...

Он еле говорил: как и я, ещё не восстановился от продолжительного изнурительного бега. Мы остановились резко, не успели отдышаться. Это неправильно. Но сейчас у нас не было выбора. Я надеялась, организм Ири натренирован и справится с такой нагрузкой. Быстро осмотрела его: на виске запеклась кровь, рукав комбинезона пропитан тёмной жидкостью.

– Кими... – позвал он и снова провалился немного глубже в песок.

– Молчи! – взвизгнула я и тут же озвучила пришедшую мысль: – Это же Лабиринт, тут все построено по задумке создателя. – Я ходила у предполагаемой границы зыбучих песков и рассуждала вслух: – Любое твоё движение – это погружение в песок. Но ведь ты моргаешь и дышишь, значит, эти движения разрешены...

От него пришла волна удовлетворения, значит, он подумал о том же.

Ну и как нам теперь общаться?

Придумала!

– Моргаешь один раз – это «да», два раза – «нет».

От него пришла волна раздражения вместе с волной облегчения.

Да что б тебя сожрали ламиранские черви, Ири! Наверняка сообразил быстрее меня. И никакой благодарности!

– Дин, обычный способ спасти кого-то из зыбучих песков – это попытаться снять с себя все тяжёлое и лечь на спину, чтобы подобраться ближе. Но тут он, скорее всего, не сработает – это было бы очень легко!

Одиночное моргание.

– У меня есть металлическая проволока. – Я снова ходила туда-сюда рядом с опасным местом. – Давай я брошу её тебе, ты схватишься, и я тебя вытащу?

Двойное моргание. И просто цунами скептицизма.

– Ты прав... Мы изрежем тебе ладони и всё равно тебя вытянуть не сможем – моих сил не хватит.

От Дина повеяло удовлетворением.

– Есть способ вытащить тебя?

Одиночное моргание.

– Какой?

Молчание. Дин старался не моргать.

– Может, я быстро доберусь до центра Лабиринта и там отключат все ловушки?

От Дина пришла волна негодования и злой весёлости.

Не верит, что я доберусь?

Вдруг дурацкая идея посетила меня. На входе нас предупредили, что возможны ловушки. Тогда я не придавала этому значения.

– Это ловушка? – вдруг севшим голосом спросила я.

Одиночное моргание.

– Ты не выберешься, если я её не отключу?

Одиночное моргание.

Я села на песок рядом с границей опасного места.

– Дин, я разбираюсь в электронике «Кометы», с закрытыми глазами разберу и соберу любой её узел, без проблем вскрою любой замок. Но я не уверена, что тот, кто создал Лабиринт, так просто...

Одиночное моргание и волна понимания. Я задала неожиданный для себя вопрос:

– Мы справимся?

Одиночное моргание и волна одобрения.

Спасибо, Дин, мне нужна эта поддержка!

– Обсудим, как найти пульт управления ловушкой?

Одиночное моргание.

– На входе?

Дин, не сдержавшись, чуть дёрнул губами, будто хотел скривиться, и тут же снова ушёл на несколько сантиметров вниз.

Я вскинула руки ладонями вверх.

– Хорошо, хорошо, неведомый хозяин, мы поняли! Дин, контролируй себя! – фыркнула я.

В ответ принесли волна раздражения и приглушённая волна паники.

– Дин, ты думаешь, что управление ловушкой где-то в этой комнате?

Одиночное моргание

– Вдали от входа?

Один глаз открыт, а второй закрыт.

Та-а-ак, интерпретирую это как «а кто ж его знает?»

– Думаю, пульт управления вмонтирован в стену.

Одиночное моргание. Сказав, что скоро вернусь, я двинулась вдоль стены, нащупывая носком сапога твёрдую поверхность и внимательно осматривая каждый сантиметр. Прошло почти четыре часа, прежде чем я различила нечто похожее на приваренную к стене пластину.

Очень хотелось выругаться, но как отнёсся бы к ругательствам наш неведомый кукловод?

Я согнула ногу и нажала на кнопку под подошвой, в основании каблука. Вместе с другими полезными мелочами в полости каблука лежала крошечная плазменная горелка, которую ещё надо было собрать. Она всегда сопровождала меня в вылазках, даже если я решила развлечься и посидеть в кабаке.

Пластину, открывавшую доступ к панели управления ловушкой, приварили к стене на совесть. Я потратила на доступ к ней больше часа. Стало интересно: а как бы Дин вскрывал эту панель? Раз за разом ударял бы её ногой? Возможно, у

него бы хватило силы, но не у меня. Когда панель открылась – захотелось собрать все нецензурные слова Вселенной. На панели крепилась клавиатура, рядом был джойстик, а на мониторе отображалась доска с равранами. Под доской бегущей строкой шло задание:

Выиграете партию или сыграете в ничью – ваш друг останется жив.

Да что б ты провалился в самую глубокую чёрную дыру виков, создатель Лабиринта!

К Дину я вернулась через пятнадцать минут после открытия панели. От него веяло страхом и безнадёжностью. При моём появлении от него пришла мощная волна надежды.

Неужели он думал, что я бросила его?!

Руки чесались дать подзатыльник.

Разберёмся с этим, когда вытащу его.

Я села на границе опасного участка и задала вопрос:

– Ири, ты умеешь играть в равраны?

Сначала меня окатило волной недоумения, а потом пришла волна понимания.

Одиночное моргание.

Я выдохнула. Потому что сама в равраны играть не умела совсем. Даже названий фигур не знала. Но, пока возвращалась к Дину, дала себе обещание, что обязательно научусь.

Я показала равранскую доску Дину – коммуникаторы нам

разрешили оставить при себе, но связь с внешним миром глушилась.

Он прикрыл глаза и надолго так замер.

Ясно. Думает.

Дин открыл глаза и уставился на меня.

– Дин, я только знаю название этой игры, я не знаю, как называются фигуры и как они могут ходить.

От него пришла волна оптимизма.

Ну-ну, посмотрим, насколько его хватит.

– Вот эту красную букашку я должна передвинуть на красную клетку?

Быстрое двойное моргание.

– Красную букашку поставить на чёрную клетку?

Быстрое двойное моргание.

Я перебрала все возможные, на мой взгляд, варианты с красной букашкой и перешла к следующей фигуре. Минут через сорок мы определили, какой фигурой надо сделать ход и куда, и выработали какую-никакую тактику для ускорения выбора хода. Оказалось, что чёрный горшок надо двинуть на две клетки вперёд и на клетку влево.

Я понеслась к пульта управления ловушкой и сделала первый ход, а затем, дождавшись, пока Лабиринт сделает свой, побежала к Дину.

Игра растянулась на три часа. Фигур становилось всё меньше и меньше, Дин больше не паниковал, от него веяло удовлетворением. Значит, он знал, что мы делаем и к чему

ведёт партия.

Вот я джойстиком, который стал почти родным, передвинула золотой стул на красную клетку. И стала ждать ответного хода. Вместо этого экран потух и раздался шипящий звук. Ничего не понимая, я бросилась к Дину, уже на бегу заметила, что песок начал убывать. Когда я прибежала, Дин стоял по колено в песке и того становилось всё меньше. От Дина пришла волна весёлости. Но он молчал и даже не шевелился, пока его ноги были погружены в песок. Ещё несколько минут – и мы стояли на чистом, без единой песчинки, металлическом полу.

И тут его прорвало:

– Золотой стульчик называется золотым тронem. А ночной горшок, как ты выразилась, называется кувшином, он ходит только вперёд и влево. Маленький зелёный мальчик – это император, он ходит как ему вздумается, а вот красная букашка – это расходный материал, этими букашками обычно жертвуют. Как можно этого не знать?! – Он замолчал на секунду и уже спокойнее добавил: – Мне кажется, песок у меня не только на зубах, но ещё и в трусах. Как же я хочу в душ!

Я улыбнулась. Как же мне не хватало все эти жуткие часы его голоса! Я подхватила свой рюкзак, и мы двинулись к выходу из этой комнаты. Поспать и поужинать мы могли в каком-нибудь из коридоров Лабиринта. Я была уверена, что перед следующим испытанием нам дадут отдохнуть.

Дин уснул, а я осталась караулить. Знала, что не усну на посту, это дерьмо выбили из меня в школе выживания. Тех, кто уснул на посту, сперва лишали оружия, а потом долго и с чувством пинали, крича: «Ты убила свой отряд, сука! Ты убила всех в своём отряде, потому что заснула, тварь! Ты убила всех нас!»

Побои доходили до переломов и повреждений внутренних органов. Мне «повезло» – всего-то один выбитый зуб, два сломанных ребра ну и так, по мелочи: синяки и ссадины по всему телу да разбитая губа.

Потянулись дни.

С питьевой водой действительно проблем не возникло. В Лабиринте встречались испытания, где была пресная вода, а в некоторых коридорах в стену были вмурованы каменные головы неизвестных существ и животных. У них изо рта, из глаз, а иногда и из носа (дурацкие шуточки хозяина Лабиринта) в небольшие каменные чаши стекала холодная вода. Помыться не хватило бы, а вот жажду утолить или наполнить флягу – вполне.

Какие-то испытания давались нам легко. Например, пришлось поймать шуструю пернатую. Мы гоняли бойкую серо-зелёную птицу по всей комнате Лабиринта, где рос негустой смешанный лес. Сильно пахло хвоей. Дин обрадовался.

Он втянул носом воздух в этой комнате Лабиринта и прошептал:

– Как же я соскучился!

Ух ты! Значит, он бывал на планетах, где хвойных растений много?

Я была уверена: придёт день и я узнаю, что скрывает Дин Ири. Всё больше и больше я убеждалась, что роль пилота-балбеса ему мала.

Посреди леса мы нашли ручеёк, и Дин, набив мои и свои карманы небольшими камнями со дна ручья, подмигнул и предложил:

– Поохотимся?

От него пришла волна веселья и предвкушения. Заинтригованная, я даже не стала спрашивать, зачем нам столько камней. В школе выживания обучали разным способам добычи пропитания, в том числе и работать камнями, вот только мы делали из них пращу.

Что ж, если у Дина не получится поймать эту пернатую (мужчина он или нет?), я добуду нам еду своим способом.

Всех наших камней не понадобилось. Мы использовали только один – тот, что был зажат в кулаке Дина. Заметив нас, птичка понеслась по пролеску, а мы бросились за ней. В какой-то момент Дин так ловко метнул в пернатую камень, что она почти мгновенно упала замертво. Я восхитилась:

– Пусть тобой пообедают ламиранские черви, Ири, я тоже так хочу!

– Если твои черви пообедают мной – у них будет несварение, – ухмыльнулся он.

– У меня нет червей! – фыркнула я. – Я регулярно прохожу диагностику в медицинской капсуле. А ламиранские черви – ленточные черви длиной в семьдесят метров и толщиной в твою руку.

Потом мы с Ири спорили, как лучше приготовить нашу добычу.

– Мясо на шпажках – самое лучшее лакомство. Мы даже взяли с собой небольшую упаковку специй на такой случай. А шпажки я выточу, нет проблем. – Ири опять намекнул, что я не ношу с собой оружие. Практически.

– А ошипывать её тоже ты будешь?

Лично я ненавидела это делать. Он скривился.

– Решено – ты выпотрошишь её, а я запеку тушку в глине, перья потом весте с ней отойдут. А приправой натрём внутреннюю полость. Будет неплохо, обещаю, – заявила я.

– Ты где такому научилась, Кимири?

От него пришла волна искреннего удивления.

– Поверь, – я усмехнулась, – школа выживания для девочек научит и не такому. – Видя круглые глаза Дина, неохотно пояснила: – Родители настояли, чтобы я прошла этот курс, и, как видишь, пригодилось.

От Дина пришла волна задумчивости.

– Мечты идиота сбываются... – Дин почесал синюю макушку.

Мы, стоя на стене коридора, смотрели на комнату, полностью залитую водой. Крюки пока негодились. Лабиринт позволял полюбоваться на себя сверху – в некоторых комнатах на стенах были ступени (металлические скобы, вбитые в поверхность). Первое время мы, как только видели ступени, забирались наверх. А потом надоело. Мы уже знали, что центр Лабиринта, куда мы и стремились, – огромная скала.

– Обойдём комнату по периметру? – предложила я и, не дождавшись ответа Ири, двинулась по стене в сторону центра Лабиринта. За эти дни скала стала куда ближе. Через несколько метров я упёрлась во что-то упругое и прозрачное.

– Не получилось? – с усмешкой спросил Дин, когда я вернулась. Я покачала головой и, кусая губы, ответила:

– Нам придётся отказаться от этого задания, спуститься и поискать другой путь.

Дранкз волумский, на поиск другого пути мы можем потратить не одну неделю!

Дин, который уже стянул с себя один ботинок и всё ещё оставался во втором, ошарашенно спросил:

– Кими, ты не умеешь плавать?

Я помотала головой.

– Я знаю теорию, знаю, как двигаться и правильно дышать в воде, но как только погружаюсь в воду, на меня накатывает дикая паника и я иду ко дну! Единственный предмет, который я так и не сдала в школе выживания, – плавание.

Дин ответил не сразу. От него приходили волны сосредото-

точности. Он о чём-то напряжённо думал.

– Посмотри в центр Лабиринта, Кими, – мягко попросил он. – Наша цель близка. По моим подсчётам, ещё два-три испытания – и мы будем на месте. На поиск другого пути нет времени и сил, совсем не факт, что испытания там не убьют нас. Неужели ты не хочешь получить то, чего жаждешь больше всего?

Из глаз полились слёзы. Мне не хотелось отступать, но эту водную преграду я преодолеть не могла.

– Я помогу, Кими. Мы сможем переплыть, если ты будешь чётко выполнять мои указания.

Я медленно кивнула. В конце концов, в Лабиринте Дин ни разу не подвёл меня. От него пришла волна весёлости. Я уже немного изучила его и поняла, что сейчас прозвучит гадость.

– Раздевайся, Кими!

Как же ты меня бесишь!

Он, видя, как я хищно раздула ноздри, попятился и быстро заговорил:

– В одежде очень неудобно плавать. Она станет тяжёлой. На дно не утянет, но задачу нам усложнит.

Так бы сразу и сказал!

Я кивнула и, повернувшись к нему спиной, стянула футболку, сапоги и штаны.

Позади раздался шёпот Дина:

– Красиво!

Клянусь, я никогда не краснею, но тут почувствовала, как

краска залила лицо, шею и грудь. По моей спине, от седьмого шейного позвонка до самого копчика, тянется татуировка. Позвоночник словно обвивает растение. Красивое и опасное.

От Дина принеслась мощная волна желания, которую он почти сразу подавил. Он хотел меня, но всё время отказывался от своего желания. Почему?

Я начала натягивать сапоги. И услышала изумлённое:

– Зачем они тебе? Они же будут только мешать.

– Они не раз спасали мне жизнь. В каблуках много полезных мелочей. Без них я никуда не поплыву.

Мы договорились так: сначала Дин переправляет меня, потом возвращается за нашими вещами.

Ири нырнул в «бассейн». Я успела рассмотреть поджарое тело, рельефные мышцы пресса и синюю дорожку волосков, уходящую под плавки.

Он что, и правда от природы синий?

Я думала, что цвет шевелюры Дина – это какое-то модное веяние того места, где Дин живёт. Хотя я так и не поняла где. Вроде бы на какой-то станции.

Дин вынырнул, блеснул улыбкой и протянул руки. От него пришла волна предвкушения.

– Иди ко мне, Кими.

Я осторожно опустилась в воду, держась руками за ступеньку, торчащую из стены. Дин подплыл ближе.

– Я поплыву на спине, но мне надо удерживать твою голо-

ву на поверхности. Старайся не дёргаться и не делать лишних движений. Если ты попытаешься схватиться за меня, погибнем мы оба. И ещё, Кимири, хозяин этого места, как мы поняли, очень любит развлекаться, могут подняться волны, и брызги попадут на лицо. Не страшно. Не пытайся их вытереть, пересиль себя. И вообще, Кими, не думай ни о чём, кроме приза. А теперь, – он почти лежал на воде, – постарайся лечь на спину.

Я попробовала и тут же почувствовала, как меня подхватили за подбородок, так чтобы лицо было на поверхности.

– Да, вот так, моя умница, а теперь поплыли.

Лёгкий толчок – и Дин оттолкнулся от стены. Сердце бешено стучало. Я собрала всю волю в кулак и, несмотря на рефлексy, которые просто вопили о том, что надо забраться на Дина, о том, что надо изо всех сил колотить руками и ногами по воде, постаралась расслабиться. Я смотрела на проплывавшие над нами облака, слушала слабые всплески от движений Дина. Старалась не считать секунды. Я не знала, сколько прошло времени, просто старалась ни о чём не думать. И даже вздрогнула, когда Дин, судорожно дыша, сообщил:

– Мы на месте.

Я подтянулась на руках и забралась на стену. Подала руку Дину. Казалось, он выбился из сил. Пришёл откат. Я сидела на стене, уткнувшись в колени, и тихо плакала. Как же мне было страшно!

Мою талию обвили руки, позади, прижавшись ко мне, сел Дин. Он прошептал слова утешения:

– Ты молодец, Кими! Просто отлично всё сделала! Ты смогла удержать свой страх!

Он поцеловал мое плечо. Или мне показалось. Может, это был слабый порыв ветра. Выбираться из кольца его рук не хотелось, но на той стороне оставались наши рюкзаки, а без них путешествие по Лабиринту могло стать очень неприятным. Теперь Дину предстояло переправить наши вещи на эту сторону «бассейна». Не верилось, что испытание почти закончилось. Я смотрела, как Дин уверенно гребёт к противоположной стене, когда краем глаза заметила чужое движение. Всмотрелась.

Плавник!

Что-то следовало за Дином, быстро настигая его.

– Рррр, – зарычала я. На курсах по выживанию нам рассказывали, что многие хищные рыбы чувят кровь.

Что ж...

Я нажала на каблук – выскочило лезвие, и я, согнувшись, провела им по ладони. Опустила руку в воду и стала ждать. Вскоре преследователь Дина замедлился, а затем и вовсе развернулся и с бешеной скоростью рванул ко мне.

Ну, хорошо, внимание привлекла, а дальше что?

Я вспомнила, что ещё спрятано в моих каблуках, но ничего достойного для сражения с водяным монстром в них не было. Кроме лезвий, встроенных в сапоги. Монстр прибли-

жался, а идей не было.

Я видела, как Дин, схватив рюкзаки, поплыл обратно. Сейчас он плыл тяжело, медленно, но пока проблемы не видел.

Надо отвести эту плавающую скотину как можно дальше от него! Ири плывет по прямой – это самый короткий путь ко мне...

Я поднялась и быстро отбежала в сторону. Опустила кро-
воточащую руку в воду. Монстр повернул ко мне. Я отбежала дальше и снова опустила ладонь в «бассейн». Заметила, что Дин доплыл до середины. Внезапно плавник исчез.

Дырявый фюзеляж, рыбина поплыла к Дину?!

Я снова сунула руку в воду, но плавник не появился. Чувство опасности охватило меня, и я рывком откатилась от края воды. Вовремя. Меня обдало брызгами, и над головой мелькнула тень. Я вскочила и бросилась бежать, оглядываясь. Раздалось глухое «бум», и огромная хищная рыба ударилась о неведомую перегородку, которая раньше не дала мне обойти комнату Лабиринта. Рыбу это не остановило. Я увидела, как она снова понеслась в сторону Дина. Тот уже заметил, что происходит, и довольно быстро приближался, плавник плыл ему наперерез. Я вновь сунула руку в воду. Рыба остановилась. Но в этот раз водоплавающая скотина не спешила плыть ко мне. Рядом я заметила ступеньки-скобки, они уходили под воду. Не веря, что делаю это, я спустилась по ним и, держась одной рукой за ступеньку, второй, окро-

вавленной, замолотила по воде.

– Иди ко мне, обед подан!

Рыба повернула ко мне, и... плавник скрылся под водой. Я стала быстро забираться по ступенькам, когда Дин закричал:

– Берегись!

Не успеваю!

Стукнув каблуками друг о друга, я освободила весь свой металлический арсенал.

Есть!

Тупая морда высунулась из воды и попыталась схватить меня за ногу, которую я подставила. Монстр попытался сжать челюсти, но не смог – острые клинки впились ему в дёсны и нёбо. Чем сильнее рыба сжимала челюсть, тем сильнее клинки впивались в её тело. Внезапно я почувствовала сильную боль.

Скотина, всё же прокусила кингуранскую кожу!

Ухватившись обеими руками за ступеньки, стараясь держать лицо на поверхности, я со всей силы била второй ногой по тупой морде клинками второго сапога. Вода вокруг стала бурой от нашей крови. Наконец рыба поняла, что я ей не по зубам, разжала челюсти и ушла под воду. Я, икая от пережитого страха, начала подниматься по ступенькам. Внезапно меня выдернули из воды и прижали к себе, а над ухом раздался рык:

– Ты о чём думала, Кимири, когда полезла в воду? Я думал, что потерял тебя, отмороженная девчонка!

От него веяло волнением, злостью, облегчением, заботой и нежностью.

– О сухой, – ик, – одежде, – ик, – и о сухом спальнике. – Ик. – И о тебе. – Ик.

– Мне это не нравится! – шёпотом на грани слышимости сообщил Дин.

Так и мне тоже!

Мы напоролись на парочку хорошо объединенных трупов. Кое-где с костей свисали остатки мышц и связок, а где-то кости белели, как будто мышц на них никогда и не было. Новой комнаты и нового испытания давно не было, и мы настороженно шли по коридорам, в которых начали встречаться кусты и одиночные деревья. Всё чаще и гуще. Как назло, спасительных ступенек, чтобы забраться на стену, в этих коридорах не оказалось.

Коридор повернул, и мы уткнулись в плотную стену растительности. Тут всё просто заросло бурьяном, кустарниками и низкорослыми деревьями. Иногда, чтобы не потерять правую стену, приходилось буквально продираться к ней сквозь колючие ветки или раздвигать высокую траву руками.

– Тише, Кими, ты очень громко ходишь! Старайся не наступать на сучки. Пусть одна твоя нога будет «сонаром». Нашупала под ногой препятствие, то есть сухую ветку – двинь «сонар дальше», поняла, что ветки под стопой нет, – осто-

рожно ставь на пятку, но вес не переноси. Если и под сводом, и под пяткой ничего нет – смело переноси вес на эту ногу, – поучал меня Дин.

К моей досаде, он и правда передвигался бесшумно. Мои дорогостоящие курсы по выживанию катились к drankзу волумскому.

– Если я буду смотреть под ноги, чтобы не наступать на сухие ветки, то пропущу нападение, – огрызнулась я скорее для проформы, нежели от злобы.

Конечно же он был прав. Мне стоило усвоить этот навык. Жизнь с Кравиром показала, что многие мои навыки, полученные в школе выживания для девочек, полезны. А ещё, живя с ним, я поняла: если хотя бы раз столкнулся с тем, чего не умеешь и не знаешь, а от этого зависела твоя жизнь, то нужный навык следует не просто освоить, его надо ещё и развить. Вселенная не жестока, Вселенная учит выживанию. Постоянно учит выживанию вида.

А вот к какому виду отношусь, я не знала. Странно, но эта мысль только сейчас посетила меня. В общем-то, всего-то и надо было обратиться в один из элейских медицинских центров, где взяли бы материал на исследование. И через несколько часов я узнала бы, гены каких рас есть во мне. Почему-то я не сомневалась, что моя генетическая основа – зверь, то есть конкретное животное. Это подтверждали мои фиолетовые глаза. Такой цвет глаз не у животных встречается только у одной расы – у элфинов. Но мои кончики ушей

круглые, значит, оказаться элейским метисом я не могла. Вероятно, с моим геномом, то есть с геномом родителей поработали. Чаще всего необычный цвет глаз встречается у зверюродов. Когда выберемся, решила я (мысль о том, что мы погибнем в Лабиринте, глушила в корне), обязательно сделаю анализ. Как только позволят кредиты. Расшифровка генов – дорогостоящее мероприятие. Мне захотелось узнать свои генетические преимущества и недостатки.

От Ири пришла волна весёлости. Он прошептал:

– Когда мы выберемся из Лабиринта, я научу тебя ходить бесшумно, Уортс. Знаю одну планетку, где шум ненавидят. Отличный полигон для тренировок.

Захотелось пнуть его в голень за очередную шутку в этом опасном коридоре, но неожиданно для самой себя я с ним согласилась:

– Хорошо, Ири.

От него пришла волна удивления.

Во время наших перешёптываний мы скользили по густым травяным зарослям, и я невольно начала стараться аккуратно переносить вес с одной ноги на другую, пытаюсь смотреть не только по сторонам, но и под ноги. И всё же я пропустила ЭТО.

Довольно урчащее существо появилось прямо перед нами – мой камень принёс отголоски наслаждения. Чудище слизывало остатки плоти со скелета. Подул ветер, как раз в его сторону. Существо сразу перестало урчать и поглощать па-

даль, оно дёрнуло своим отвратительным подобием носа и уставилось прямо на нас. Его не смущали густые заросли, казалось, оно смотрело сквозь ветви и траву и отлично видело нас.

– Ходу, ходу, ходу-у-у! – Сейчас Дин даже не понизил голос. Он схватил меня за руку, и мы, не разбирая дороги, лишь слегка придерживаясь обычного направления, перепрыгивая через валежник и кусты и царапаясь, рванули прочь.

Страшное существо бежало бесшумно, но я ощущала его эмоции. «Майо-о-о. Пища-а-а-а. Сса-амка-а», – оно думало как-то так. Это заставляло меня бежать быстрее Дина Ири.

Я чуть затормозила, коридор снова раздваивался. Я ненавидела такие выверты Лабиринта. Согласно нашим с Дином правилам, следовало обследовать этот коридор и, если он приведёт в тупик, вернуться обратно.

Ири на несколько секунд остановился, и от него пришла волна отчаянной решимости. Он прокусил зубами мягкую часть своей левой ладони, мазнул поворотный угол ответвления выступившей кровью и понёсся прочь, крича:

– Беги-и-и!

Сердце сделало судорожный кульбит.

Дин увёл от меня чудовище... А как же он?! Или мы квиты? Я увела от него водоплавающего монстра, а он – эту жуткую тварь? А что сейчас? Сейчас каждый сам за себя?

Я помотала головой.

Не верю. Дин мне не друг, но, пока мы в Лабиринте, он – точно не враг.

Он приказал бежать? Бежать!

За всё время, что мы провели в Лабиринте, мы не раз выручали друг друга. У него было много возможностей избавиться от меня, но он этого не сделал... Не сделал. Как и я...

И я побежала прочь. Не забывая держаться правой стороны коридора. Я всё так же продиралась сквозь кусты, траву, перепрыгивала через поваленные деревья и пни. Внезапно до меня донеслись отголоски отвратительных знакомых эмоций.

Чудовище желало самку.

А-а-а!

Пока ещё невидимая тварь теперь следовала за мной. И я рванула что есть мочи, забыв, что устала, что у меня за спиной рюкзак. Позади слышался треск веток.

Оно меня нагоняет!

Волосы на голове встали дыбом от ужаса.

Я вжалась в стену Лабиринта. Усталая, грязная, с ноющим плечом, на котором, кажется, огромный синяк и ссадина – зацепилась о торчащую ветку дерева. Я тяжело дышала, чувствуя, что сейчас этот склизкий монстр с лысым черепом и красными глазами, передвигающийся то на четырёх, то на двух конечностях, разорвёт меня на мелкие части. В глубине Лабиринта мы натыкались на изуродованные останки, было невозможно определить, что это за существа, не нашлось ни

одной целой кости.

Чудовище казалось гуманоидом, но только издалека. Выпирающие рёбра обтягивала розово-красная кожа. Длинный раздвоенный язык словно выстрелил в мою сторону, и я зажмурилась. Что-то холодное рывком коснулось щеки и отпрянуло. Я открыла глаза. Чудовище заурчало, а мой камень в ухе сообщил, что оно довольно и испытывает...

Похоть? Что?!

В глаза бросился отросток между ног, который стал быстро увеличиваться и раздваиваться на конце.

А-а-а! Мамочка! Мама!!!

Я с удвоенной силой зашарила руками по шершавым стенам Лабиринта, пытаясь нащупать хоть что-то, хотя бы плоть давно отмершего растения... хоть что-нибудь, что помогло бы мне если не ранить существо, то отбиться от незатейливого ухаживания. Ничего! Ничего не попадалось. Я боялась повернуть голову в сторону в поисках чего-то полезного, боялась упустить момент, когда эта тварь, расчехлившая свой «жест любви» (это не я придумала, это в элейских любовных романах так пишут – читала как-то парочку), двинется.

Несколько секунд я смогу ему противостоять, отмахиваться клинками, встроенными в сапоги, а потом... потом...

Додумать я не успела – мой неожиданный поклонник сделал шаг ко мне, и я, не сдержавшись, пронзительно завизжала...

Внезапно это готовое к спариванию существо снесло странной почти прозрачной полусферой. Тварь не успела издать ни звука. Вместе они врезались в поворотную стену Лабиринта. Я зажмурилась – буквально в ту же секунду меня окатило останками кошмарной твари, что гнала нас, не давая остановиться, уже много часов. Я утёрла рукавом лицо и посмотрела туда, где в агонии подёргивалось существо. И только теперь вспомнила об Ири. Мы разделились, он увёл монстра за собой. Но тот почему-то всё равно пошёл по моему следу...

Ужасная догадка посетила меня. Этот монстр убил Дина и потом двинулся за мной! Я больше не увижу ехидный прищур оранжевых глаз, не услышу приятный, чуть бархатистый голос, больше не почувствую отчего-то тщательно подавляемых им волн желания и восторга от того, как мы случайно соприкасались руками или коленями.

Я больше не увижу его!

Я закричала от ужаса:

– Ди-и-и-ин!

И тут же чуть не завизжала снова от насмешливого:

– Потихе, Кими, вдруг где-то здесь бродит подружка этого любвеобильного мужчины? И кстати, я вовремя? Мне показалось, вы неплохо проводили время... – Из-за деревьев, которые в Лабиринте встречались редко, но которых мы увидели немало в этом нашем испытании, вышел бледный Ири. От него пришла волна облегчения.

Я рассмеялась, и из глаз полились слёзы облегчения.

Он жив! Жив!

Тут же захотелось грубо подначить его.

– А ты бы присоединился?

Мой камень уловил слабый флёр смущения, а потом бесшабашные весёлость и наглость.

– Уортс, я не уверен, что смог бы договориться с этим, – Дин кивнул в сторону трупа, – о том, как мы будем делить тебя. Я вообще не уверен, что он умел разговаривать. А мне бы хотелось полностью занять красивый и такой разговорчивый...

Договорить я ему не дала – зарычала и бросилась на этого придурка, будто стараясь выцарапать глаза или хотя бы вырвать клоч синих волос. Он, смеясь, подхватил брошенный мной рюкзак и двинулся прочь из этого коридора. Я понеслась за ним.

– Убью, придурок!

– Как только ты меня догонишь, распутница! – с хохотом парировал он, удаляясь от меня...

День окончился ночлегом в очередном поворотном коридоре Лабиринта. Ири, когда появлялась такая возможность, цеплялся за крошечные уступы или растения, увивавшие стены, поднимался на стену и смотрел, сколько осталось до центра. Иногда Лабиринт сам позволял нам подняться и убедиться, что наша цель стала ближе, – в стене появлялись ступени-скобы. Последнее время мне казалось, что мы сгинем

тут, но, как ни странно, мысль о том, что в это время рядом будет Дин, грела меня.

Спали мы, как всегда, по очереди, и перед тем, как совсем погрузиться в сон, я спросила:

– Это была очередная ловушка Лабиринта? В этот раз она для разнообразия сработала нам пользу?

От него пришла волна озадаченности, а потом он расслабился и уверенно ответил:

– Верно. Правда, я надеялся на другое. Копьё или стрелы... Хотя... Лабиринт никогда не повторяется, а это уже было. Когда я понял, что, – он хмыкнул, – твой ухажёр меня больше не преследует, рванул в обратную сторону, за тобой. Еле успел. Видел, как он тебя загнал. Мне повезло, управление ловушкой увидел практически сразу. Будто мне подсказали. Стал тыкать со скоростью света разные комбинации и, видимо, угадал. – Мой камень говорил, что это правда. Дин, разведя руками и обезоруживающе улыбнувшись, закончил: – Такое я впервые в жизни вижу.

А вот тут мой камень отчётливо уловил ложь. Наглую.

Нет, сегодня даже не стану тратить остатки сил, чтобы выяснить, что он утаил. Если выживем, обязательно вытрясу правду из Ири!

В этот вечер я первая легла спать. Мы поужинали пищевой плиткой и не стали обсуждать сегодняшний день – слишком много встретили погибших, тех, кого сожрало это неизвестное существо. Ловить дичь на ужин, потрошить и

ощипывать её оказалось выше наших сил. Запас пищевых плиток таял, коммуникатор показывал, что в Лабиринте мы находимся уже три недели. И только его «гостеприимному» хозяину было известно, какие ещё испытания нам предстоят. Я расстелила спальник, улеглась головой к стене. Дин сел рядом, опёршись на стену спиной. Он всегда выбирал эту позу. Первое время я боялась спать – не потому, что думала, будто он прибьёт меня спящую или уйдёт один. Мне казалось, он уснёт. Но сколько бы раз я ни просыпалась во время его дежурства и ни следила за ним из-под опущенных ресниц, притворяясь спящей, он всегда оставался начеку.

Сегодня, после пережитого, я рискнула спросить:

– Почему ты пошёл со мной в Лабиринт?

От него пришла волна веселья.

Сейчас он снова переведёт всё в шутку.

– Я просто решил покинуть клуб.

– Какой клуб? – удивилась я.

И причём тут какой-то клуб?

– Депрессивный клуб интеллектуальных игр «Ничто, нигде, никогда».

– Ну, так бы и сказал, что тебе просто было нечем заняться, – проворчала я.

Бесят его шуточки!

Я вздохнула и отвернулась от него. А от Дина неожиданно пришла волна тепла.

– Я навёл справки о Лабиринте, Кими, это было непросто.

– Он тоже вздохнул. – Выяснил, что тем, кто смог его пройти, он помог получить то, чего они желали больше всего на свете. Я хочу найти того, кто оставил моего отца калекой.

Эта неожиданная волна искренности ошеломила меня. Я так привыкла, что Дин уворачивается от прямых ответов, что сперва опешила от честных слов. А потом пришла ещё одна волна эмоций от Дина, странная – что-то вроде тени надежды. И я поняла, что эта надежда относится совсем к другому желанию, не высказанному вслух.

А затем спросил он:

– Кими, а зачем тебе понадобился Лабиринт?

Я тоже решила не уворачиваться и ответила максимально честно:

– Я знаю, что однажды устану от такой жизни – от бесконечной гонки на выживание, бесконечных поисков заработка, от постоянного риска и адреналина. Устану от постоянной обороны ото всех и всего... И когда я перестану подстраиваться под чужие запросы и ожидания, когда перестану скрываться, изворачиваться, договариваться – я перестану существовать. У меня немало недоброжелателей, Ири, есть те, кто хотел бы, чтобы такие, как я, перестали существовать. – Я хмыкнула. – Виги, например. Кто-то, наоборот, хотел бы видеть меня живой, но только в качестве пятнадцатой жены в каком-нибудь гареме. Я же... Я хочу жить и радоваться жизни, а не постоянно выживать, хочу заниматься тем, что мне действительно нравится, а не тем, чем вынуждена.

Я мысленно отругала себя. Ну и зачем ему эти откровения? Дин ничего не ответил. Молчала и я. Уже почти уснув, услышала тихое:

– Надеюсь, у тебя всё получится, Кими. Только не попадайся Потрошителю.

Мы явно ходили кругами. Теперь коридоры соединялись настолько часто, что мы перестали понимать, куда нам возвращаться, если мы прошли ответвление.

Вот эту шишку хвойного дерева я уже видела. Или это разные шишки, которые очень похожи друг на друга? А вот поворот, который отложился в памяти из-за щербинки в виде схематичного изображения птицы – две короткие прямые линии соединяются в остром угле. И вот в, казалось бы, новом повороте – то же изображение птицы.

Мы бродили по коридорам уже четыре дня, но комнат больше не встречали. Ещё вчера мы заметили неладное и вечером, перед сном, обсудили тактику.

– Нам бы делать какие-то пометки... – высказал мысль Дин и уставился на меня.

– Угу, – согласилась я.

Открывать все свои секреты я не желала. Дин и так знал, что в каблуки моих сапог встроены острые лезвия, но об остальном их содержимом я молчала. Да и не было там ничего, что бы помогло нам в нашей ситуации.

– Будем резать ладонь и помечать поворот, который уже

проходили, кровью, – с энтузиазмом предложила я.

Дин скептически выгнул синюю бровь.

– Соскучилась по местному поклоннику? Кто знает, кого привлечёт твоя кровь?

Я настолько устала, что лишь отмахнулась от него:

– Боишься конкуренции, Ири?

Хм, а что значит эта волна смущения, пришедшая от него?

Мозг работал вяло. Я физически измоталась, и спали мы мало – в последнее время ночью участились нападения. То стая птиц, то какие-то мелкие животные сгоняли нас с места ночлега. Как только подумала о полноценном сне, глаза начали слипаться. Зевая, я предложила:

– Надо бы залезть на стену...

После «бассейна» мы почти перестали забираться на стены. Какой в этом смысл, если обойти препятствие по стене нельзя? Если хозяин Лабиринта задумывал испытание, то по стене нас не пускали дальше определённого участка.

– Кими, радость моя, если ты не заметила, в последние несколько дней на стенах нет ступеней, – чуть ехидно сообщил напарник.

– Ты, кажется, сомневался, что нам нужны крюки и верёвка...

В эту ночь нам снова пришлось убираться с места – нас просто одолели насекомые. Они жалили нас, пытались залезть в нос и уши. Урвать по часу сна удалось лишь ближе

к утру, когда рой насекомых, гонявший нас по коридорам, внезапно пропал.

Утром мы почти два часа пытались закинуть крюк с верёвкой на стену. А когда нам удалось, сил лезть по верёвке не осталось.

– Последняя пищевая плитка, – сообщил Дин, достав из своего почти опустевшего рюкзака еду.

Я кивнула и криво улыбнулась, протягивая фляжку.

– Последние глотки воды.

Мы искренне улыбнулись друг другу. За эти недели мы сблизились. Не раз Дин прикрывал мою спину, не раз и я прикрывала его. Это было странно, ведь мне часто хотелось прибить его за слова о моей неуклюжести или о выбранной мной профессии. Я ощущала бушующие волны, исходявшие от него, когда я проходила по его дурашливой маске или фантазировала, что сделает с ним Потрошитель, если схватит. Последнее Дина бесило сильнее всего.

На стену Ири поднялся первым. Я, то и дело озираясь, опасаясь очередной подлянки от хозяина Лабиринта, смотрела, как он уверенно перебирает руками и ногами, поднимаясь вверх по верёвке. Всё! Он на стене! Дин махнул мне рукой, мол, давай ко мне! Я немного отошла назад, с разбега запрыгнула на верёвку и начала ползти. Вот только тут мои сапоги сослужили плохую службу. Я не могла опереться на канат – мешали гладкая подошва и каблуки. Я скользила вниз.

Дранкз волумский! Я не смогу подняться на такую высоту на одних руках! И только небольшая часть запасов из каблук-тайников поместится в карманы штанов.

Я, чуть ли не обливаясь слезами, стащила сапоги. Снова разбежалась и высоко подпрыгнула. Перебирая руками и ногами, быстро поднялась наверх. А когда поднялась – ахнула. Центр Лабиринта был тут, за стеной, по которой мы поднимались! Скала, которую мы не видели снизу, находилась тут, всего в двадцати минутах ходьбы. Оставалось только спуститься. И никаких видимых преград!

У нас открылось второе дыхание. Дин прочно закрепил крюк и спустил верёвку с противоположной стороны.

Надеюсь, это последнее испытание Лабиринта и скоро каждый из нас получит желаемое!

Поднявшись на стену, я поняла, что наше испытание почти закончилось. Каждый получит то, чего хотел, и мы разбежимся, затеряемся во Вселенной. А ещё я поняла, что если сейчас не поцелую его, то буду жалеть всю оставшуюся жизнь. Я прикоснулась своими губами к его.

Сперва от него пришла волна недоумения, потом – восторга, нежности, обожания, желания, а потом... потом... волна горечи. Мне кажется, я даже почувствовала её на языке. И волну сожаления.

Так. Меня. Никто. Ещё. Никто. Не целовал!

Никто никогда не сожалел о том, что очень желал поцелуя, желал продолжения. Ни у кого это естественное желание

продолжения не вызывало душевную боль.

Я, разорвав поцелуй, не сдержалась и потребовала объяснений:

– Что это значит, Дин?!

А потом чуть не взвыла от ужаса.

Это ведь я знаю его эмоции! Что он скажет в ответ? Выдаст очередную шутку? А может, начнёт допытывать, что я имела ввиду? И как я в таком случае смогу объяснить свой вопрос?

Дин снова поразил меня – я совершенно не ожидала, что он виновато ответит:

– Извини, Кими, меня очень тянет к тебе, но... – Он подбирал слова. К ним я оказалась не готова: – У меня есть любимая девушка...

Моя душа рухнула вниз. Нет, вру – то, что хоть немного оставалось белым, мгновенно почернело, стало темнее во сто крат так любимой вигами чёрной дыры.

Спасибо, Вселенная. Спасибо, что эта моя влюблённость закончилась так... легко. Без ошибок в виде потомства от того, кому я без надобности, без глухой многолетней тоски по тому, кто мне изменил или ушёл от меня. Уверена, у меня хватит сил заглушить зародившееся чувство. Наверное.

Не знаю как, но я смогла рассмеяться.

– Напарник, слушай, ты, – насмешливо протянула я, – не в моём вкусе...

Его глаза в упор, не мигая, смотрели на меня, но до меня

не доносилось ни одной эмоции. Это пугало. Но я развязно продолжила:

– Ознакомься с психологией гуманоидов, Ири. – Чистая импровизация. Я вообще не знала никакой психологии, только слышала несколько терминов по этой теме. – Дин, – я старалась придать голосу искренности, – ты был очень напряжён, извини, но я воспользовалась старинным способом вывести тебя из стрессовой ситуации.

Он улыбнулся, но при этом от него не пришло ни одной эмоции.

Как такое возможно?!

– Попробуем спуститься, Уортс, и получить свой приз? – спросил он, указав в сторону скалы. Я широко улыбнулась в ответ и кивнула.

Первым спускался Дин. Он спрыгнул на песок и встал в оборонительную стойку, зажав в руке небольшой (с лезвием всего около десяти сантиметров) нож – таково было условие Лабиринта. Озираясь, я быстро спустилась следом, и как только мои голые ступни коснулись песка, закричала, подпрыгнув:

– Больно! А-а-а! Мои ступни! Как же жжёт!

Последний аккорд Лабиринта, – мелькнула сквозь обжигающую боль мысль.

Хозяин обиделся на мои трюки с тайниками в каблуках сапог? Хитрый мерзавец! Придумал-таки, как заставить меня снять обувь!

Дин подхватил меня на руки, и волна беспокойства и ужаса окатила меня.

– Кими! Кими! Где больно? Кими, как тебе помочь?!

Я, уткнувшись носом ему в шею, заплакала.

– Ноги... ноги жжёт... больно!

Дин куда-то понёс меня. Боль стала отступать, и мозг начал плавиться.

Неважно, куда он меня несёт, неважно зачем, лишь бы быть с ним, лишь бы быть вместе, хотя бы тут, в Лабиринте, хотя бы сейчас.

– Ки-и-ми! – раздался над ухом торжественный голос Дина. – Мы дошли!

Я подняла голову и осмотрелась. Мы оказались в пещере. В свод и стены были вмонтированы мониторы. Я поёрзала, пытаюсь освободиться. Дин с чуть слышным вздохом поставил меня на пол, и я тут же зашипела от боли в ступнях. Дин снова подхватил меня на руки и запечатлел невесомый поцелуй на макушке.

Зачем?!

По многочисленным экранам побежали строки. Сперва у меня закружилась голова, а потом я сосредоточилась на одном экране, прочитала текст и только спустя минуту осознала написанное.

Дин Ири исполнит все свои желания. Ключом к ним станет женщина, с которой он пришёл в Лабиринт.

Его желания уже начали исполняться благодаря этой женщине. Исполнению желаний Кимири Уортс поспособствует Дин Ири.

И это всё?

Моему разочарованию не было предела, от Дина же пришла волна ликования. А я испугалась. Я – ключ к счастью Дина? А не случится ли так, что он, получив желаемое, используя меня, уйдёт, при этом не думая о том, получила ли я с его помощью то, чего хотела?

Мысли замесались.

Он явно хочет меня, а я ведь даже не пыталась затащить его в постель. А если я соблазню его... сможет ли он тогда отказаться от помощи мне? Попробует – поможет старый добрый шантаж. Голозапись всегда можно отправить его возлюбленной. Я ведь даже и не пробовала узнать хоть что-то об Ири. Уверена, я смогу узнать её имя, расу и номер коммуникатора.

Глава 4

Дин

– Уортс, я помог тебе и теперь остро нуждаюсь в твоей помо...

– Если никакой контрабанды, не надо ничего и никого красть, не надо никого укрывать от властей – неважно, како-

го мира, – перебив меня, протараторила она, – я согласна, Ири.

– Кими, цветочек мой ядовитый, где подвох? – усмехнулась я. – Ты как-то быстро согласилась.

Она чуть улыбнулась, опустила глаза на свой бокал игристого вина и пальцем провела по тонкой ножке. На этот раз она сделала маникюр – ногти напоминали острозаточенные коготки. Не глядя на меня, Кими мягко ответила:

– Подвоха нет, Дин. Ты очень помог мне с Лабиринтом, за мной должок.

– Но помогать ты согласишься, только если не будет никаких... никаких... – Я старался подобрать слово, чтобы подначить её. Не получилось.

– Никакого криминала, – снова перебила меня она. Её фиолетовые глаза смотрели прямо на меня.

Я бы мог утонуть в них раз и навсегда, но там, на Франгаг, ждала девушка... Принцесса моего сердца – Трин нье' Риолин-Ринд.

С момента возвращения из лабиринта прошло почти три недели, и всё это время Кими увиливала от встреч. Мы только изредка переписывались.

Дин: Кими, давай отметим прохождение Лабиринта?

Кими: У меня срочный заказ.

Дин: Почему ты не взяла меня с собой? Я думал, мы на-

парники...

Кими: Напарники. Но тот, кто создал заказ, потребовал только одного органического исполнителя. Мне нужны кредиты.

Она была права. Это ведь я находился на полном обеспечении империи, получал доход по контракту. К тому же за каждую успешную операцию мне переводили немаленькую премию. Кими же потратила кредиты на вход в Лабиринт, на подготовку к миссии, и, думаю, она тратила их на покупку и поиск информации о Лабиринте.

Захотелось ударить кулаками по переборке отсека. Для отвода глаз я снимал небольшой на дорогом уровне одной из станций-городов. Четыре раза за мной следили. Три из них – скрытно. Работали профессионалы. Мой отсек обыскивали, когда меня не было – я засёк, что вещи лежат не так, как лежали перед моим уходом. Пусть смотрят, думал я, мне скрывать нечего. На этой станции.

Кими, как же мне подобраться к тебе поближе?

Она держала дистанцию, хотя я видел, что нравлюсь ей.

Мне показалось, Кимири не понравилось, что сказал провидец из Лабиринта. О том, что я получу всё, чего хочу, с её помощью. А ведь он оказался прав. Благодаря маминым связям мы нашли скрытую расу целителей, алозов, и сейчас велись переговоры о лечении отца. У нас снова появилась надежда на то, что он сможет ходить.

То, что мы нашли тех, кто исцелит отца, косвенно подтверждало, что благодаря Кими я выйду на серванских контрабандистов и уничтожу того, кто не раз покушался на маяк родителей, на мою мать и меня самого. И что благодаря ей (хотя я совсем не понимал как) Трин снова станет моей. И вот сейчас эта хорошенькая контрабандистка, умная, упрямая, хитрая, очень находчивая Кимири Уортс бегала от меня.

Чего она боится? Ведь предсказатель сказал, что и она благодаря мне получит всё, о чём только мечтает. Мы оба получим то, чего хотим, с помощью друг друга.

О результатах своей поездки я составил подробный рапорт. И совсем не удивился, когда получил приказ и дальше работать с Кимири Уортс. Мне даже сообщили о том, что я могу при необходимости вступить в интимные отношения с объектом. Неожиданно это меня покорило. Чем дольше я общался с этой девушкой, тем больше понимал, что она не беспринципная мошенница, контрабандистка, воровка или обманщица. Она очень тщательно отбирает заказы и, если её не загнать в угол (как это сделали виги, чтобы мне было проще завязать с ней знакомство), ни за что не возьмётся за незаконную перевозку, каких бы невероятных прибылей та не сулила. Мне импонировали принципы Уортс. И, как оказалось, мне нравилось смотреть на её тренированное тело и привлекательное лицо. Мне нравилось, как от неё пахнет. Дранкз волумский, мне нравилось в ней всё, кроме од-

ного – она всё равно была серванской контрабандисткой. И это значило, если она когда-нибудь попадётся в мои руки, в руки Вэрдиана нье' Товена младшего, адмирала Императорского военного космического флота Франгаг, Потрошителя, мне придётся разобраться с ней.

Смогу ли я поступить с ней так же, как и с другими?

Я прикрыл глаза.

Да! Я должен. Если я, глава флота, не стану следовать уставам и нашим строгим протоколам, то как я смогу требовать их исполнения от других?! Когда трудно принять решение, нужно следовать уставу. Если Кимири Уортс попадётся мне во время совершения преступления, она отправится на каторгу. Или, если её проступок окажется несерьёзным – полетит осваивать с колонистами какую-нибудь планету.

И всё же я надеялся, что Кимири удастся осуществить свою мечту до того, как я разделаюсь с серванскими контрабандистами. Тогда у Потрошителя не будет надобности передавать суду эту несносную, но такую манящую девушку.

Дин: Кими, приглашаю тебя в «Глубь», хочу отметить успешное прохождение Лабиринта.

Я рисковал. Очень. Мне не так уж сильно изменили внешность. Чтобы я прошёл многочисленные проверки пиратов и контрабандистов, которые быстро выявили бы кардиналь-

ные вмешательства, мне лишь слегка изменили форму губ и увеличили уши с помощью инъекций, которые я продолжал делать при надобности, немного подправили овал лица и перекрасили волосы на всём теле. Совсем другая одежда – и вот в зеркале отражается странный парень с серьёзными глазами. Как там изобразить развязность? Взъерошить волосы, чуть приоткрыть губы, обнажив зубы, мягко улыбнуться. В общем, вид должен быть слегка придурковатым. Так нас учил нье' Моттекс.

Я посмотрел в зеркало.

Вот теперь самое то. Даже Хиш пролетит мимо. Хотя нет... Он знает мой запах.

Недавно маленький брат «заявил», что учуял, будто я хочу самочку. Втужу. И он это одобрил. Ведь такому самцу, как я, давно пора создать своё гнездо и занять пяток маленьких мохнатых и ушастых детишек. От Хиша приходили смутные образы: светлая шерсть, приятный запах, постоянное желание спариваться. Я не знал, что значит «втужу», а Хиш толком не мог объяснить, что это такое. Для себя я решил, что так у рилети называется пара.

Наше с Хишем общение было своеобразным, хотя я давно уже к нему привык. Мы общались скорее образами, но иногда от него приходили смутные простые мысли – «хочу есть», «холодно», «спать», «опасность».

Решив, что я нашёл пару, Хиш стал надеяться, что и ему удастся подыскать себе симпатичную самочку.

Мой питомец, когда я официально представлял его в таком качестве, обижался на такие слова. В общем-то, он был прав. Хиш не был моим питомцем, он стал мне самым близким другом, большим братом, чем Шин – пирул, которого отец вырастил из почки.

Много лет назад, когда я нашёл его детёнышем, Хиш погибал от голода и жажды. У него было порвано крыло. Тогда я услышал писк погибающего существа и, несмотря на возражения мамы и бабы Виши, подобрал маленького рилети. Когда я взял его в ладони, он укусил меня, пытаясь насытиться и утолить жажду. Он попробовал мою кровь. Несколько лет спустя мы выяснили, что Хиш стал... навигатором. Отчасти, конечно. В крови Хиша мы обнаружили вещества, которые встречаются только в крови вигов. Хотя у него их концентрация оказалась значительно меньше.

Позже эти исследования изъяла имперская служба безопасности. Иногда мои деятельные соотечественники раздражают даже меня. Я понял, что они обязательно проведут эксперимент и попытаются ввести кровь вигов, обладающих даром, другим рукокрылым. Вот только мы с мамой договорились молчать о том, что перед укусом Хиша мы подверглись действию излучения.

Пискнул коммуникатор.

Кими: Только если ты оплатишь вход и мой костюм.

Я мог себе это позволить. Но не как исполнитель миссии, которому, кстати, три месяца назад повысили лимит расходов в три раза, посчитав Уортс одной из самых перспективных наших разработок. А как мужчина, которому нравилась девушка, которую он пригласил.

Я бы не назвал это свиданием, но чем-то вроде того. Мне нужно было обаять, обольстить, заполучить всю Кимири Уортс. Ведь она – ключ к исполнению моих желаний. О том, что будет потом, когда я уничтожу главу серванских контрабандистов, когда изведу всех этих паразитов, играющих страстями и желаниями живых существ, когда получу свою принцессу, я пока не задумывался. Не сомневался: император Эirik нь' Ринд найдёт для меня и другие важные задания. Я верил: после того, как получим максимум друг от друга, мы с Кими без труда разойдёмся.

Дин: Через три дня жду тебя в клубе.

Оплатив вход и специфичные, характерные только для этого знаменитого на всю Вселенную клуба костюмы для себя и Кими, я занял отдельную открытую кабинку. Кими усеялась напротив, и теперь я едва не пускал на неё слюни.

Почему это происходит? Ведь я люблю Трин! Мою принцессу Трин.

Когда я увидел Кими впервые, то сразу заметил, что она чем-то похожа на её ледяное высочество. Мне вообще нра-

вятся блондинки. Женщин из борделей я всегда выбирал того же типажа.

Извини, любимая, пока ты училась в неведомом закрытом пансионате, пока облетала почти всю Вселенную с дипломатическими миссиями, мне приходилось справляться со своими гормонами. Долбаная физиология! Моя первая куртизанка, наверное, поразилась тем, что, несмело войдя в неё и кончив через пару движений, я облизывал её шею и стал молить простить меня, растерянно бормоча что это нужно для моего здоровья.

Всё правда случилось именно так.

Принцесса охладела ко мне сразу, едва ей исполнилось четырнадцать, и мы почти перестали общаться. Когда мы всё же проводили время вместе, я не узнавал её. Моя яркая звёздочка, как я называл её иногда, очень изменилась.

В своих юношеских мечтах я думал... я хотел... я надеялся, что мы впервые сделаем это вместе. Я сдерживался почти три года. Три года я кончал в трусы, видя во снах Трин, грезя о нашем счастливом будущем. Но однажды на уроке физической подготовки в глазах помутнело. Очнулся я в амниотической капсуле. Крышка отъехала, и я увидел школьного медика. Он протянул мне ученический комбинезон и сообщил, что меня в своём кабинете ждёт глава медицинской службы школы. Недоумевая, я натянул школьную форму, ботинки и проследовал к господину нье' Лёйдвигу.

– Вэрдиан, – обратился он ко мне. Я с трудом удержался, чтобы не поморщиться. Не люблю своё официальное имя. Так меня путают с отцом.

Мама назвала меня в честь него, потому что думала, что больше никогда не вернётся к вигам. Планета, на которой её корабль потерпел крушение, – одна из миллиардов планет, на которую виги не совались из-за наших бесчисленных протоколов – если планета обитаема и аборигены разумны, мы не вступаем в контакт с местными до тех пор, пока они в своём развитии не выйдут на уровень освоения космоса и не продвинулись за пределы своей звёздной системы.

Старший медик первой школы навигаторов заявил:

– Ваш гормональный уровень, нье' Товен, ниже референсных значений. Судя по показателям, вам нужна полноценная сексуальная разрядка. Если вы этого не сделаете, в ближайшие две недели я подам рапорт о вашем нестабильном психо-гормональном состоянии.

– Что будет после рапорта? – севшим голосом спросил я.

– Состоится медико-педагогическая комиссия, которая рассмотрит все аспекты вашего поведения. Причинно-следственные связи. С вами побеседуют психологи, психиатры, ваши данные исследуют медики разных направлений...

– Я понял, – перебил я. – Можете не продолжать. У меня уже был курс анатомии навигаторов.

Не хватало того, чтобы психологи докопались до настоящей причины моих проблем. А они докопались бы – импе-

рия много тратит на подготовку одного зрителя, проблеме нашли бы и постарались решить. Только в моём случае не знаю как. Возможно, стёрли бы часть моей памяти – время, проведённое с Трин. Этого я не хотел.

Старший медик снисходительно усмехнулся:

– Рекомендую воспользоваться девушками с Втихари, Шоркасе, Ожелана. Напоминаю, господин нье' Товен, что для кадетов обеих школ навигаторов в заведениях указанных миров действует скидка в пятнадцать процентов на первые три посещения. Сейчас вы можете облегчить своё состояние, пройдя в специальный отсек.

– Мне это не нужно! – гневно возразил я. А как же Трин?

– Сообщу ректору, что вы не сможете посещать лекции, пока...

Он тянул это «пока» очень долго. И я сдался, процедив:

– Хорошо.

Уортс выглядела офигительно. Короткое платье из грубой мешковины, глубокий, но плавный диагональный вырез, оставляющий открытыми плечи и привлекающий внимание. Ткань подчёркивала и упругую задницу Уортс. Ноги Кими, чем-то смазанные, чуть поблёскивали, притягивая взгляд. И не только мой. Казалось, все мужские особи на танцполе повернули головы в её сторону. Обувь на её ногах не слишком напоминала обувь и только пробуждала мужские желания. Множество тонких ремешков, униженных сверкающими

ми камнями, оббивали ступню и тонкую лодыжку, поднимаясь до колен. До зуда на кончиках пальцев мне хотелось провести по этим рельефным ремешкам, подняться к подолу платья, а потом, вконец обнаглев, лёгкими, нежными движениями приподнять эту дурацкую грубую ткань выше, чтобы насладиться бесконечной длиной стройных ножек. На секунду я представил, как эти шикарные ноги оббивают мои бёдра, а Кими опускается на...

Мой взгляд встретился с насмешливым прищуром ярко подведённых фиолетовых глаз.

Великая точка начала, какое счастье, что столешница скрывает от неё, как приподнялась ткань брюк между моих ног.

– Официант! – крикнул я в сторону, продолжая поедать глазами сидящую напротив Кими. Всё же повернув голову к существу с услужливо протянутым подносом с напитками, захотелось выхватить бластер и выстрелить в упор, разнести студёнистое тело на длинных, почти негнущихся ногах. Наш столик обслуживал мимикрим – представитель искусственно созданной расы, выведенной только с одной целью – уничтожать навигаторов. Мимикрим мерцал всеми цветами радуги и совершенно не проявлял агрессии.

Кими подхватила бокал с пузырящимся напитком и подняла его чуть выше уровня глаз.

– За исполнение желаний!

В мозгу пронёсся ураган пошлых шуток про желания, но

я озвучил самую невинную:

– У большей части мужчин и женщин желания совпадают – и те, и другие хотят больших упругих сисек. – Я уставился на обтянутую грубой тканью грудь Кимири.

Кими не фыркнула, как делала обычно. Она чуть отклонила голову и звонко рассмеялась. Кажется, половина мужчин в зале слаженно вздохнули.

Великая точка начала, да после этой миссии меня придётся лечить от раздвоения личности. Как же мне хорошо с Кими! Как же мне было хорошо с Трин!

Мы танцевали с Кимири под совершенно невообразимую музыку. Иногда мы просто трясли телами, кружа рядом друг с другом. Порой мне приходилось объяснять движения танцев, которые знал я, а Кими показывала мне движения других, незнакомых для меня танцев. И тогда я позволял ей вести меня, закрывал глаза и думал, что сейчас, в этот самый момент, меня обнимает моя любимая Трин; что это она, положив руку мне на бедро и чуть сжимая пальцы, «подсказывает», что эту ногу мне нужно сдвинуть.

– Уортс, я помог тебе и теперь остро нуждаюсь в твоей помо...

– Если никакой контрабанды, не надо ничего и никого красть, не надо никого укрывать от властей – неважно, какого мира, – перебив меня, протараторила она, – я согласна, Ири.

– Кими, цветочек мой ядовитый, где подвох? – усмехнулась я. – Ты как-то быстро согласилась.

Она чуть улыбнулась, опустила глаза на свой бокал игристого вина и пальцем провела по тонкой ножке. На этот раз она сделала маникюр – ногти напоминали острозаточенные коготки. Не глядя на меня, Кими мягко ответила:

– Подвоха нет, Дин. Ты очень помог мне с Лабиринтом, за мной должок.

– Но помогать ты согласишься, только если не будет никаких... никаких... – Я старался подобрать слово, чтобы подначить её. Не получилось.

– Никакого криминала, – снова перебила меня она. Её фиолетовые глаза смотрели прямо на меня.

Я бы мог утонуть в них раз и навсегда, но там, на Франгаг, ждала девушка... Принцесса моего сердца – Трин нье' Риолин-Ринд.

Формально она согласилась. Но нам не стоило обсуждать предстоящее дело в клубе. Мне лишь хотелось, чтобы Кими не пошла на попятную, и я, чтобы заинтересовать её, назвал сумму, которую она получит в случае удачного исхода.

– В этот раз никакого расплывчатого предсказания, только кредиты, Кими.

Она улыбнулась, взяла двумя пальцами крупную красную ягоду, украшавшую креманку с салатом, и поднесла её ко рту. Приоткрыв свой красивый чувственный рот, она обхватила её губами. Я поймал себя на мысли о том, что хочу быть

этой самой ягодой...

Покончив с ягодой, Кими спросила:

– Сколько?

Дранкз волумский, ну и как мне сдерживаться, если она такая сексуальная?

Я с трудом подавил мысли обо всём, что хотел бы сделать с Уортс прямо на этом столе, и постарался успокоиться.

– Триста тысяч кредитов.

Кимири снова отпила из своего бокала, доела не слишком аппетитный на вид салат – из креманки торчали крошечные щупальца в розовой заправке – и только потом произнесла:

– Дин, нам нужно уйти из клуба, мне нужно снять... – она провела руками по телу, – это возбуждение...

Что?! Так просто? Меньше, чем через час, я уложу Уортс в постель? Всё-таки аналитики не ошиблись? Эта девушка использует своё тело, чтобы достигнуть цели? Она – хитрая, разборчивая шлюшка?

От этих мыслей стало неприятно.

Едва мы оказались на «Комете», Уортс дёрнула меня за руку и потащила в крошечный гостевой отсек, где я иногда ночевал, когда у нас были совместные дела.

– Рассказывай, Ири, – жёстко приказала она. – Триста тысяч меня не просто возбудили, они вызывали во мне волну непреодолимого желания отправиться за ними прямо сейчас!

Она говорила об этом, вытаскивая шпильки и заколки из

волос, стягивая обувь. Я даже завис.

Куда делось сексуальное возбуждение? Или его и не было? Только чистое желание заработать?

Я молча наблюдал, как она переодевается.

Да что б тебя, Кими, прокатила на себе комета, я только-только обуздал свою похоть!

– Знаешь, Уортс, это как-то неприлично – переодеваться перед посторонними. – Я чуть повернул голову в сторону, стараясь не коситься на тонкий бюстгальтер, сквозь который отчётливо проступал пирсинг. Кимири в это время стягивала своё клубное платье.

Что за любовь к публичным оголениям?

– А где тут, – она оглянулась, – посторонние? Ты – мой напарник. Ты – мой тыл, а я – твой. Что ты не рассмотрел, пока мы пять недель блуждали в Лабиринте? Забыл, как щедрый хозяин Лабиринта дал нам на купание семь минут на двоих? И как мы выглядели после того, как лазили по норам? Там ведь воняло, как в прямой кишке пирукайского одрени, да и содержимое почти ничем не отличалось. В тот раз тебе было не до стеснения, свои трусы ты стянул быстрее меня и прыгнул в купель отмываться!

Бесхвостая комета, она права!

На одном из заданий в Лабиринте нам пришлось искать выход из нор. Что-то вроде мини-лабиринта в Лабиринте. Мы справились, но путешествовать по норам приходилось на четвереньках, иногда ползком, а на пути к выходу нас

ждал полуразложившийся труп хозяина нор. Пахло там просто омерзительно – даже мелкие насекомые сваливались в обмороке на подлёте.

Но как же бесит, что она не видит во мне мужчину!

Внезапно мне в голову пришла одна мысль.

Да это же вызов! И я его принимаю! Держись, Кимири, теперь я не отступлюсь, пока я не уложу тебя на спину и твои ноги не скрестятся на моей талии!

Обнажённая, Кимири вышла из отсека. Её не было минут пять, и вернулась она одетой в свою обычную одежду: светлая рубашка, тёмные брюки, сапоги на высоком устойчивом каблуке – братья-близнецы тех, что ей пришлось оставить в Лабиринте. Волосы она собрала в тугую косу.

– Итак, Ири, что мы должны сделать, чтобы я получила свои триста тысяч кредитов?

– Найти и доставить моему заказчику Залитариянский перстень.

Она нахмурила брови, чуть пошевелила губами, беззвучно повторяя название, и вдруг её прищуренные глаза, обычно фиолетовые, в редкую зеленоватую крапинку, полыхнули синим светом.

Это что сейчас такое было?! Видовая особенность? Кстати, а к какому виду она принадлежит? Она точно не элфина, но часто такой цвет глаз – это ещё и признак генетических экспериментов. Зверолюд?

Взгляд Кимири стал осмысленным.

– Ты имеешь ввиду Перстень Желаний? Его, да?

– Что? – с недоумением переспросил я.

В информации, пересланной мне на коммуникатор, содержалось название перстня и его скупое описание – чистейший бриллиант невиданной ранее во Вселенной красоты. По сведениям из древних источников, примерно в сто пятьдесят карат (уму непостижимо, как носить такой булыжник на пальце). Некоторые легенды совершенно разных рас, некогда обитавших в разных частях Вселенной, гласят: этот перстень обладает специфическими свойствами. Разведка вигов вместе с археологами отыскиали отличный повод, чтобы Кимири захотела получить лёгкий заработок, а значит, и на того, кто его предлагает – на меня. Я думал, что основные сведения о перстне правдивы, Вот только сказки о его свойствах казались мне лишними. Такая бывалая авантюристка, как Уортс, на них вряд ли повелась бы.

Я пожал плечами, но реакция Кимири меня удивила.

– Если это он, то у него есть ещё несколько названий. – Она возбуждённо стала перечислять: – Перстень Судьбы, Кольцо Возможностей, Запретное Кольцо... – Кимири прервалась и спросила: – Твой заказчик дал тебе потенциальные координаты нахождения перстня?

Я ошарашенно кивнул.

Похоже, меня ждёт сюрприз. Кимири явно знает о моём задании больше меня.

Заметив моё удивление, она усмехнулась, вышла из отсе-

ка на пару минут, а когда вернулась, в её руках была странная бутылка – объёмное тёмно-синее стеклянное основание и длинное металлическое горлышко, плавно, с почти незаметным переходом вплавленное в стекло. Это тоже удивляло, хотя я и знал о том, что во Вселенной бесконечное число разумных видов, каждый из которых обладает своими специфическими технологиями.

– Ирзианское вино. Не хуже элейского, только стоит в разы дешевле. – Она извинилась: – Прости, напарник, на «Комете» нет бокалов. – Кими откупорила бутылку, сделала глоток из горлышка и протянула мне.

Я сделал крошечный глоток. Дранкз его знает, как этот состав мог подействовать на меня. Знания основ выживания, вбитые в меня в школе навигаторов и закреплённые в высшем командном училище, подсказывали, что пить незнакомую жидкость не стоит. Но и не выпить я не мог, иначе разрушил бы возникшую доверительную обстановку.

Кими склонила голову на бок и спросила о данных, которые мне предоставил заказчик. Я без утайки рассказал ей всё, что знал о Залитарянском Перстне, всё, что сообщили мне перед заданием.

– И это всё? – спросила она удивлённо.

– А этого мало? – вопросом на вопрос ответил я, стараясь придать голосу веселья и беззаботности.

Уортс отпила из бутылки.

– Тебя используют втёмную, Ири. Хотя координаты дали

любопытные. Таких я в своих поисках ещё не встречала, их стоит проверить. – Она сделала ещё глоток, протянула бутылку мне. Первая проба вина никак на мне не сказалась, поэтому я решился глотнуть ещё. Кими сообщила то, о чём я и так догадывался: – Вся остальная информация бесполезна и слишком распространена, хотя и в узких кругах.

Узкие круги – стало быть, археологические сообщества?

Я деланно нахмурился.

– Поясни?

Она пояснила.

– Залитар – планета, уничтоженная миллионы лет назад вместе со всем живым, что находилось на ней. Залитарианцы жили тем, что добывали драгоценные камни. Они ценили их больше, чем нынешние орсийцы. Когда планету уничтожили, на ней уже тысячелетия как всё исследовали; всё, что можно было извлечь из недр, извлекли, обработали и продали. Залитарианцы делали искусные украшения. Знаешь, Дин, раз в тридцать-сорок лет на ювелирных аукционах появляются украшения, изготовленные руками давно исчезнувших залитарианских мастеров, и тогда такое украшение продаётся за баснословные кредиты. Знатоки торгуются до последнего кредита, закладывая свои катера, имения, предприятия. – Кими отпила из бутылки ещё. – Дело в том, что залитарианцы, согласно легендам, обрабатывали камни то ли неизвестным излучением, то ли материей, пока не известной современным учёным во всей Вселенной. По одной из вер-

сий, они обрабатывали камни в пятом измерении...

Тут я чуть не подавился вином, которое только что отпил, судорожно сглотнул, ладонью стёр капли с подбородка. На глазах навернулись слёзы, и я просипел:

– Подожди, подожди, во Вселенной существует всего три пространственных измерения и одно временное. При этом все четыре измерения органически связаны друг с другом в единое, являясь почти равноправными... в определённых рамках. – Я осторожно спросил: – То есть ты утверждаешь, что залитарианцы открыли пятое измерение?

Кими пожала плечами.

– Это не я утверждаю, так гласят несколько сказаний.

Признаюсь честно, я не ожидал от обычной контрабандистки таких познаний. Она рассказывала о Залитаре очень интересно, я видел, что эта тема ей интересна, что она ей увлечена.

– Какими свойствами обладают драгоценные камни, обработанные залитарианцами? – спросил я.

– Разными. – Кими задумчиво посмотрела в иллюминатор. Мы висели в тени неизвестной мне малиновой планеты, в атмосфере которой, похоже, было много гелия и аргона: именно эти газы обычно создают подобный цвет в электрическом поле.

Хм, интересные процессы проходят в атмосфере этой планеты.

Я давно заметил, что Уортс предпочитает удалённые от

оживлённых трасс места. Кими рассказывала дальше:

– В зависимости от камня. Считается, что рубин – камень силы. Тот, кто носит этот камень, со временем становится необычайно силен физически. Сапфир считается оберегом. Тот, кто носит залитарийский сапфир, приобретает совершенную защиту: от бластера, ножа, удавки...

– Кими, ты просто мастер тянуть комету за хвост, – хмыкнул я. – Расскажи про Залитарийский перстень. – Я отпил вина.

Она рассмеялась, а потом, чуть прикрыв глаза, монотонно, подражая Мо, процитировала:

– Алмаз – камень, усиливающий энергетику существа, носящего его. Женщина, которая хочет быть желанной, даже дурнушка, станет очень любимой всеми. Охотник, носящий камень, никогда не вернётся без добычи. Считается, что алмаз может служить детектором лжи: если тот, кто отвечает тебе – врёт, камень тускнеет. А ещё легенды гласят, что у того, кто носит камень не меньше трёх дней, обязательно исполнится самое заветное желание, которое повлияет на дальнейшую жизнь.

– То есть, если в Залитарийский перстень встроен бриллиант, у нас тоже будет возможность осуществить мечту?

У меня даже ладони вспотели. Провидец Лабиринта ясно дал понять, что все мои желания исполнятся, если рядом будет Кими, а если и этот странный камень усилит эффект...

Кими прервала мои мысли:

– Перстень Судьбы – это не перстень в нашем обычном понимании, Дин, в этом-то и кроется его поражающий воображение эффект. Согласно имеющимся данным, Запретное Кольцо, Идеальное Кольцо, или Перстень Судьбы, – в этот раз она перечислила другие названия, – вырезан из цельного бриллианта. – Я поразился подготовке Кими и укорил себя в том, что сам не удосужился подготовиться. Кими пробежалась ноготками по ручному коммуникатору и запустила головидео. Старинное, двумерное, чёрно-белое. – Ни до залитарянцев, ни после такого никто никогда не делал. Несмотря на то, что с момента изготовления перстня технологии шагнули далеко вперёд, никто не смог повторить такую огранку.

Я рассматривал перстень с немым восхищением. Оказалось, что это украшение полностью состоит из бриллианта. Не было отдельной шинки, ранта, каста, накладки и вставки (когда у матери есть дар к поиску алмазов, волей-неволей научишься разбиться в ювелирных украшениях). Перстень был монолитным!

– Офигеть! – невольно вырвалось у меня.

Мы долго молча рассматривали кольцо, по очереди отпивая из бутылки, прежде чем я спросил о том, что заинтересовало меня в начале рассказа.

– Почему залитарянцев уничтожили?

– Есть несколько версий, – охотно поделилась Кими. Я заметил, что ей нравится моё внимание к тому, чем она увлече-

на. — По одной из них — из-за того, что те отказались делиться сведениями о пятом измерении. По другой — верхушка не могла поделить Перстень Желаний, и раса уничтожила себя в огне ядерных взрывов. Третья гласит — исчерпав собственные ресурсы драгоценных минералов, раса стала искать их месторождения вне планеты. Залитаряанцы занялись добычей алмазов на одном из астероидов. Тогда-то и был найден огромный алмаз, из которого изготовили Перстень Желаний. Вот только вместе с алмазом на Залитар попал вирус. При обработке камня в пятом измерении он мутировал. Согласно легенде, вирус убивает только многоклеточные разумные организмы, при этом у мёртвого тела остаются рефлексы: падать и есть. А глаза у мёртвых светятся синим светом. Такие «трупы» могут двигаться даже при абсолютном нуле.

Я еле подавил позыв вздрогнуть. Как высшего армейского чиновника, меня допускали ко многим военным секретам, и как-то мне и моему офицерскому составу продемонстрировали обучающее головидео, в котором команда неизвестного маяка (номер на скафах был затёрт) спасалась от мертвяков со светящимися синим глазами. Что нас поразило, так это то, что мертвяки могли шевелить конечностями и клацать изменённой челюстью в открытом космосе. Услышав рассказ Кими о живых трупах, я уверился в том, что причина уничтожения залитаряанцев — этот агрессивный вирус.

Насколько я знал, элфеины уже не первый год проводили эксперименты с этим вирусом в своих отдалённых от миров,

где существует хоть какая-нибудь жизнь, лабораториях, но обернуть вспять вызванные им изменения им пока не удавалось. Хотя они смогли сильно затормозить процесс поражения организма.

Обо всём этом я, конечно, не собирался сообщать Кими. Не имел права. Но был должен отразить версию возникновения вируса в отчёте по этой миссии.

Бутылка ирзианского вина стала очень лёгкой – за разговором она почти опустела, – но движения Кими остались чёткими и уверенными, а речь – ясной. Разве что фиолетовые глаза то и дело полыхали синим. Возможно, я видел всего лишь отсветы от старых чёрно-белых, серо-синих головидео.

Великая точка начала, как я ненавижу контрабандистов и пиратов. Но благодаря этой странно-притягательной девушке мой отец, наконец-то, сможет ходить. Благодаря ей завеса тайны уничтожающего всё живое вируса приоткрыта. Благодаря ей у меня появилась надежда покорить Трин. Как эта девушка меньше чем за восемь месяцев знакомства смогла так повлиять на мою жизнь?!

Поймав сосредоточенный взгляд Кими, я постарался улыбнуться и с виноватым видом произнёс:

– Дранкз волумский, Кими, я не знал об этом Перстне Судьбы! Радость моя ядовитая, это ведь такая удача, что ты знаешь о нём так много!

Моя дурашливая, давно отрепетированная маска обыч-

но действовала на неё, но в этот раз Кими несколько секунд внимательно (Как такое возможно? Даже я еле удерживал своё сознание после выпитого!) всматривалась в меня, прежде чем её лицо расслабилось.

– Кольцо Судьбы, – поправила она меня. – Подготовку к поиску начнём завтра, у меня уже есть идеи, с чего начать.

«Ты уверен, что эти билогсы доставят нас до места?» – жестами, которые мы разучили перед вылазкой, в очередной раз спросила меня Кими.

Мне не следовало обучать контрабандистку, пусть и весьма честную, этим знакам, но и миссию провалить не хотелось. Хотелось утереть нос тем, кто решил, что меня можно использовать, не посвящая в детали.

Сейчас, после нескольких неприятных выходов наших проводников, я уже не был уверен в этом. Меня обуревала злость на наши подразделения, отвечавшие за предоставление информации и материально-технического обеспечения, злость на департаменты разведки и шпионажа.

Сначала, уже после прибытия на Билог, мне неожиданно сообщили, что финансирование моей миссии сокращается, а потом, через пару дней, мне пришла директива – у меня появился лимит в двадцать тысяч кредитов для найма местного персонала. Проанализировав послание, свои доклады, захотелось биться головой о переборку «Кометы». Один – всего один! – раз я написал в докладе, что Уортс предприим-

чивая, неглупая девушка, имеющая очень гибкий ум и смекалку. Скорее всего, какой-нибудь искин сделал предположение, что я симпатизирую ей, что можно на моих миссиях теперь экономить, ведь я вполне себе обеспеченный мужчина, могу и сам вложиться в путешествия, чтобы обеспечить комфорт своей женщине. Они, вероятно, посчитали, что я сплю с разрабатываемым объектом. Впрочем, такое положение дел меня вполне устраивало. Если я трачу свои средства, то не обязан подробно отчитываться о том, что происходит во время миссии. Могу доложить лишь о том, на что пошли кредиты империи.

Наши проводники оказались очень скользкими – в прямом и переносном смысле. Раса билогсов эволюционировала из кольчатых червей. Я не вдавался в подробности о развитии этого вида, но знал, что учёные до сих спорят о том, как в примитивном организме, управляемом ганглием, смогла зародиться такая сложная нервная система, основой которой стали мозг и два продольных нервных ствола.

Билогсы – склизкие, розово-коричневые существа с шестью лапами (когда-то эти лапы были примитивными конечностями, брюшными усиками, при помощи которых черви плавали, ползали или зарывались в грунт), каждая из которых оканчивалась семью развитыми пальцами. Голова у этого вида срослась с туловищем, но визуально оно отделялось от головы тонкой светлой полоской кожи. Уверен, под одеждой билогсов пряталось немало таких полосок, делящих те-

ло на сегменты, – напоминание о далёком предке. Кстати, у червей нет органов зрения, но на лице, то есть на сегменте, который можно счесть головой, непредсказуемый выверт эволюции создал глаз. Один. Я не сомневался, что раса не перестала эволюционировать и, возможно, у этих существ со временем появятся и другие органы, отвечающие за зрение и слух. Сейчас же вместо ушей у наших проводников были едва заметные отверстия по бокам условной головы.

«Надеюсь на это», – тоже знаками ответил я.

Пару раз Бипре и Битле – так звали наших проводников – наедались какого-то мха, и потом мы почти сутки не могли сдвинуться с места – этих придурков накрывали галлюцинации. Сначала мы с Кими не могли понять, почему только что относительно адекватные билогсы вдруг начинали изображать травинку, колышущуюся на ветру, или крикливую самку кётри – местную птицу, – когда та высиживает яйца. А потом выяснили, что на болотах, через которые мы проходили, растёт мох, способный вызывать галлюцинации, если его неправильно заварить. Эти идиоты воспользовались возможностью.

Если бы эта часть планеты не была столь изменчива, мы бы и не подумали нанимать сопровождающих, но, увы, один из материков Билога, как раз тот, на котором мы находились, постоянно менял ландшафт: то полностью уходил под воду на пару-тройку лет, то вдруг становился пустыней на десятилетия, то разрастался лесами (сложно представить, что де-

ревья могут вырасти до небес всего за три-четыре года, но это подтверждалось голоснимками), так что ориентироваться было сложно. И вот сейчас мы путешествовали по бесконечному болоту.

Возможно, поэтому Кими не знала о координатах потенциального хранилища Перстня Судьбы? Они постоянно менялись?

Карты этой местности не существовало. Местность постоянно менялась, так что даже опытные проводники, бывало, плутали. А все из-за какой-то природной аномалии.

Мы низко летели над болотами на логги – странном атмосферном транспортнике, снабжённом антигравитами. Логги представлял собой цилиндр, срезанный вдоль практически на треть. Внутри него находились четыре сидячих места и небольшой отсек для багажа. Тот, кто сидел на переднем сиденье, брал на себя управление. Чтобы нас не обрызгало мутной болотной жижей и местные насекомые нас не донимали, логги был оснащён простеньким защитным куполом. Признаться, такая защита не раз выручала нас. Например, когда огромное прыгучее земноводное размером с наш логги внезапно появилось из чёрной пузырястой жижи. Оно ловко перепрыгнуло наш транспортник, и Кими завизжала от неожиданности. Нас бы обдало вонючей жидкостью, если бы не защитный купол.

Ночевать мы останавливались на редких сухих островках. Логги не мог лететь двенадцать дней в неделю семнадцать

часов в сутки, у этого старья рабочие системы постоянно перегревались, и приходилось периодически останавливаться. Спали мы прямо на сидениях, которые откидывались примерно на тридцать градусов. Мы снова, как и в Лабиринте, отдыхали по очереди. Проводникам не доверяли.

Как-то я на минуту прикрыл веки. Спать не собирался, сна не было ни в одном глазу. Хотелось просто помечтать об одной девушке. О той, что сейчас спала в кресле за мной. Или о той, что сейчас танцевала на балу на Франгаг... Запутался... И тут я уловил лёгкое движение – Бипре, думая, что я сплю, попытался залезть в мой рюкзак.

– Положи на место, – приставив клинок к шее этого червя, шёпотом приказал я. Мне не хотелось будить Кими.

Мой рюкзак оставили в покое, остаток ночи прошёл без происшествий.

Билогсы вели логги совсем низко, то и дело всматриваясь в кочки, в чёрную воду. Они смотрели на стаи летавших мелких пичужек и о чём-то между собой перешёптывались.

В туалет приходилось ходить там же, у логги, под пристальным взглядом наших сопровождающих. В какой-то степени я их понимал, инопланетчики для них – диковинные зверушки. Сами они испражнялись так же, как и их прародители: копали глубокие ямы и опускались туда. И делали они это раз в четыре дня. Когда Кими требовалось справить нужду, я отворачивался, но вот убедить билогсов сделать то же самое у меня не получалось. Они вопили на общекосми-

ке о том, что они «есть охран для нас в этот страшен край». На это даже не хотелось возражать – не поняли бы. Наши продукты жизнедеятельности они увлечённо рассматривали и, размахивая шестью лапами, что-то обсуждали на местном диалекте. Внешне Кими казалась безразличной ко всему этому, но я буквально кожей ощущал, как её это бесит.

Кимири становилась всё мрачнее и мрачнее. А в один из дней она подала мне знак: «Мы уже в ловушке».

Я безгранично удивился. Проводники вели себя обычно, обстановка, за которой я следил ежесекундно, пока бодрствовал, не изменилась. Всё те же болота, кочки, низкорослые кусты, за которыми никто не смог бы укрыться, чтобы напасть; всё те же земноводные, похожие на вийраши с Лавиша; всё те же редкие островки суши, покрытые пеньками и мхом.

«Поясни», – показал я пальцами.

«Раньше они нервничали. А сейчас успокоились и удовлетворены. Будь наготове». – Пальцы Кими очень быстро складывались в знаки, меня поразило, как быстро она освоила эту технику. Если бы я точно не знал, что Кими никогда не служила в навигаторском флоте, то подумал бы, что она один из моих офицеров. Дико заманчивая идея.

Спросить, откуда она об этом знает, я не успел.

– Мы прибыли! – заявил Битле. Сколько бы я ни вглядывался, не смог заметить перемен в его физиономии (или морде?).

А где удовлетворённое выражение лица, свидетельствующее о том, что он доставил дичь заказчику? Или хотя бы предвкушающая гримаса? Где резкие движения, свидетельствующие о нервозности? Великая точка начала, наши провозжатые ведут себя как обычно!

Логги опустился на большой участок суши. Именно тут во время очередной смены ландшафта обнаружилась пещера, хотя невозможно было понять, как она вообще могла образоваться в болотистой местности. Шутка Вселенной, полагаю. В этой пещере, судя по данным археологов, и находился Перстень Желаний.

Никаких признаков засады я не обнаружил, а ведь нас учили этому как в школе навигаторов, так и в офицерском училище. Никаких еле заметных изменений ландшафта вроде чуть примятой травы, никаких помех; осмотр местности с голоножьем никаких неестественных изломов в сгнивших деревьях не выявил...

Кажется, Кими переволновалась.

Я помнил её возбуждение, когда на «Комете» она рассказывала мне про Залитарийский Перстень.

Может быть, она перестраховывается? Я могу это понять, я и сам ежесекундно осматриваюсь, водя из стороны в сторону бластером. А её привычка не пользоваться оружием просто бесит.

Не обнаружив ничего подозрительного, мы с Кими подхватили рюкзаки и подошли ко входу в пещеру. Переглянув-

шись, начали спускаться по пологой, уходящей под землю тропе. Сначала стены были земляными, сквозь них сочилась влага. Но, чем дальше мы заходили, тем сильнее менялась структура стен, и в какой-то момент они стали полностью каменными. Влага и неприятный запах гнили, характерной для болот, исчезли. Перед спуском я перестраховался и напомнил нашим провожатым:

– Как и договаривались – дождётесь нас и получите ещё пятнадцать тысяч кредитов.

Билогсы заверили меня, что не сойдут с места, пока нас не будет. Почему-то я сомневался, что это правда, несмотря на то что уровень жизни на Билоге оказался очень низким по сравнению с другими подобными мирами. Большинство местных смогли бы безбедно прожить три года на те кредиты, что мы заплатили за поездку.

Мы медленно продвигались по расширяющемуся каменному коридору. Внезапно Кими остановилась.

– Дин! – шёпотом позвала она. – Посвети на эту стену. – Она показала рукой рядом с собой.

Обшарив лучом света все подозрительные камни вокруг и не найдя ничего подозрительного, я направил фонарь на стену рядом с Кимири и чуть не выронил его.

Что за неровные грубые штришки и закорючки?

Только через несколько секунд до меня дошло – письмена! Это письменность! Я видел такое на старых головидео в школе навигаторов – так древние виги и представители дру-

гих рас излагали мысли.

А служба безопасности и правда посчитала, что мы найдём этот перстень?

Кими опять удивила меня. Она начала по слогам читать эти каракули, иногда растягивая гласные:

– Пууууть ве-е-ерно. Не-е-е-весь. – Длительная пауза. Кими начала перебирать фразы: – Не... тут, не... опять, не... снова, не окон-ча-тель-но... – Кими водила пальцами по выбитым в скале отметинам, медленно двигая губами. Будто ребёнок, который только-только научился читать. – При-и-и-шёл. За-га-а-адка. Ха-ава-тать. Вход. От-во-ри.

Я с удивлением посмотрел на неё.

Она правда понимает надпись?!

Кими оглянулась на меня и улыбнулась.

– Немного знаю древнелерум...

Внезапно Кими без слов и вскриков закатила глаза и безвольно осела на каменный пол коридора. Я опоздал всего на секунду, уже направил бластер в сторону напавшего, когда спутанно осознал, что из шеи Кимири торочит короткая тонкая игла.

Да что же это мешает мне двинуться на помощь любимой женщине? Что сейчас жжёт прямо под челюстью за ухом? Уничтожу всех, кто хоть как-то навредит ей!

Я вяло провёл рукой по шее, ухватил пальцами инородное тело. Тонкое металлическое остриё легко выскользнуло, и спустя секунду я с трудом сфокусировался на предмете в

пальцах – на длинной тонкой игле с оперением на конце. Тут же я почувствовал уколы в руки, нос, скулы и снова в шею.

– Кими-и-и, – потянулся я к неподвижно лежащей Кими-ри, засипел и стал отключаться. Сознание почти угасло, когда я понял, что мы действительно оказались в ловушке... и что я люблю двух женщин – принцессу Трин и контрабандистку Кимири.

Очнулся я от противного скрипа и яростного вопля Кими:

– Что б тебя отрыгнули непереваренным ламиранские черви, ублюдок! Если ты, простейшее, не знаешь, как идёт переваривание у этих созданий, я с удовольствием поясню. У этих милых червячков пять желудков, и в первом содержится смесь кислот. Ты знаешь, отрыжка флюбунта, что такое кислота?

Что-то часто Кими поминает всяких червей. Фобия?

Кими всё материлась, что-то сплёвывая и судорожно вдыхая воздух.

– А ты, абортированный эмбрион аквилуста, сам ничего не можешь? Только смотришь на свою толстозадую девку?

Если бы так сильно не ныл затылок, я бы высказал своё восхищение. Таких отборных ругательств не знают даже матросы на имперском флагмане. Я с трудом приподнял голову и посмотрел в сторону, с которой доносились громкие вопли Кими.

Она оказалась привязана к металлическому колесу. То есть колёс было два, они находились на расстоянии друг от

друга и держались вместе благодаря металлическим лопа-
стям, соединяющим их. Часть этого сооружения уходила в
мутную зеленоватую воду. К этой конструкции и была при-
вязана Кими. Её ноги по бёдра находились в воде, тонкие
запястья обвивала толстая верёвка.

Рядом с Кими стояли два странных существа, похожих
на сардельки, совершенно лысых. Хотя нет, у одного на ма-
кушке торчали три толстые волосинки. Кожа у существ бы-
ла ярко-жёлтая, пару глаз скрывали защитные очки с широ-
кими линзами и плотно прилегающей к коже оправой. Рот
напоминал щель, в которой виднелись толстые пластины зу-
бов. Носа я не увидел. Похоже, дышали эти существа через
кожу или рот. Оба одеты одинаково: в синие комбинезоны.
На коротких ножках – тёмные берцы. Неизвестные оказа-
лись двурукими и трёхпалыми, но, несмотря на это, тот, ко-
го я окрестил «Волосатым» из-за растительности на затылке,
ловко держал в руке вибронож, а второй – бластер имран-
ской сборки. Вполне себе качественное оружие, если знать,
что переключатель с режима парализатора в убойный надо
резко дёргать – при плавном перемещении рычага оружие
всегда даёт сбой.

Существа противно запищали, отвечая Кими:

– Глю-юпый девкахх, сщаззз ты говорить! Кха-ак и-идт-
хи... и-идтхи дальшхэ-э... – Волосатый гнусаво пытался вы-
говорить чуть ли не самое первое слово во Вселенной – Кхо-
ординати. Кха-ак и-идтхи? – спросил он и пригрозил: – Ина-

ачхи тьи окхончательхно бульх-бульх.

Вот теперь я понял, почему эти двое – Бипре и Битле – почти не торговались и сразу согласились нас проводить в указанную точку. Они подельники этих жёлтых сарделек и совместили приятное с полезным —получить оплату за то, что доставят нас к месту, и помочь сообщникам добыть сведения о том, как получить Залитариянский Перстень.

С отвращением я осознал, что эти ублюдки уже не раз топили Кими. А ведь она не умеет плавать! Я еле сдержал свой щит.

Нет! Не время! Сейчас я в безопасности, Кими, хоть её и пытаются, тоже цела и невредима. Пока я был в отключке, они могли сто раз грохнуть нас, но не стали, значит, им нужна информация. Кими молодец, тянет время. Как же не хватает Хиша!

Я опасался знакомить Хиша с Кимири, боялся, что он привяжется к ней. Он ведь дал понять, что одобряет мой интерес. Но после этой вылазки я решил познакомить их. Помощь моего рукокрылого, плюющегося смесью кислот, нам в приключениях не помешала бы. В том, что они последуют, я не сомневался. Да и знакомство с моим питомцем позволило бы Кимири думать, что я строю планы на совместную жизнь. Это мне подходило.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.